

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
(ИНИОН РАН)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 1 – 2025

издается с 2025 г.
выходит 4 раза в год
ISSN 3034-6541

Учредитель
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия

М.Б. Раренко – канд. филол. наук, главный редактор (ИНИОН РАН, ведущий научный сотрудник), *Н.М. Нестерова* – д-р филол. наук, заместитель главного редактора (Пермский национальный исследовательский политехнический университет, профессор), *И. Голушин* – канд. филол. наук (Высшая школа коммуникаций, Сербия, доцент), *И.А. Гусейнова* – д-р филол. наук (ФГБОУ ВО МГЛУ, доцент), *Е.А. Княжева* – канд. филол. наук (ФГБОУ ВО «Воронежский университет», доцент), *Е.О. Опарина* – канд. филол. наук (ИНИОН РАН, старший научный сотрудник), *О.В. Петрова* – канд. филол. наук (ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова», профессор), *В.В. Сдобников* – д-р филол. наук (ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова», доцент), *А.Л. Семенов* – д-р филол. наук (ФГБОУ ВО МГЛУ, профессор), *Л.И. Чович* – д-р филол. наук, д-р общественных наук (Панъевропейский университет, Республика Сербская, Босния и Герцеговина, профессор), *Г.Т. Хухуни* – д-р филол. наук (Государственный университет просвещения Министерства Просвещения РФ, профессор).

Ответственный секретарь –

М.Б. Раренко (ИНИОН РАН, ведущий научный сотрудник)

Ответственные за выпуск –

Е.О. Опарина (ИНИОН РАН, старший научный сотрудник),

М.Б. Раренко (ИНИОН РАН, ведущий научный сотрудник)

Журнал «Актуальные вопросы теории и практики перевода = Current Issues of Translation Theory and Practice» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

DOI: 10.31249/perevod/2025.01.00

Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
(INION RAN)

CURRENT ISSUES OF TRANSLATION THEORY AND PRACTICE

SCIENTIFIC JOURNAL

№ 1 – 2025

**published since 2025
4 issues a year
ISSN 3034-6541**

Founder
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Editorial board

M.B. Rarenko – PhD (Philology), Editor-in-chief (INION RAN, Leading Researcher), *N.M. Nesterova* – Doctor of Philology, Deputy Editor-in-Chief (Perm National Research Polytechnic University, Professor), *I. Golushin* – PhD (Philology), (Higher School of Communications, Serbia, Associate Professor), *I.A. Guseynova* – Doctor of Philology (MGLU, Associate Professor), *E.A. Knyazheva* – PhD (Philology), (Voronezh State University, Associate Professor), *E.O. Oparina* – PhD (Philology), (INION RAN, Senior Researcher), *O.V. Petrova* – PhD (Philology), (Linguistics University of Nizhny Novgorod, Associate Professor), *V.V. Sdobnikov* – Doctor of Philology (Linguistics University of Nizhny Novgorod, Associate Professor), *A.L. Semenov* – Doctor of Philology, MSLU, Professor), *L.I. Covic* – Doctor of Philology, Doctor of Social Sciences (Pan-European University, Republika Srpska, Bosnia and Herzegovina, Professor), *G.T. Khukhuni* – Doctor of Philology (State University of Education of the Ministry of Education, Russian Federation, Professor).

Executive Secretary –

M.B. Rarenko (INION RAN, Leading Researcher)

Responsible for the issue –

E.O. Oparina (INION RAN, Senior Researcher),

M.B. Rarenko (INION RAN, Leading Researcher)

The scientific journal «Aktual'nye voprosy teorii i praktiki perevoda = Current Issues of Translation Theory and Practice» is indexed in Russian Science Citation Index (RSCI).

DOI: 10.31249/perevod/2025.01.00

ISSN 3034–6541

© INION RAN, 2025

Уважаемые читатели и авторы нашего журнала!

Мы рады представить вам первый номер журнала «Актуальные вопросы теории и практики перевода», который станет регулярным периодическим изданием (планируется 4 выпуска в год). К идее создать журнал, в котором теоретики и практики перевода могли бы поделиться своими размышлениями о трудностях перевода и тем, как их преодолевать, мы шли довольно долго. Сегодня перевод стал явлением настолько масштабным, что охватить и представить все виды перевода, все ситуации перевода становится все труднее. В связи с этим и возникла идея о создании специализированного журнала как платформы для встречи на страницах журнала как тех, кто профессионально занимается изучением перевода как сложнейшего вида речемыслительной и коммуникативной деятельности, так и для профессиональных переводчиков, а также тех, кто вовлечен в процесс подготовки будущих переводчиков.

Требования к публикациям и оформлению статей изложены в конце этого номера.

Коллектив редакции журнала будет рад получить предложения и пожелания относительно содержания журнала. Надеемся, что журнал объединит наши общие усилия, станет площадкой для плодотворного сотрудничества – обсуждения разных аспектов перевода.

Ваши предложения и статьи ждем по адресу:

Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), 117418, Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21, каб. 202, 207, отдел языкознания ИНИОН РАН

E-mail редакции: linguistics-inion@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА

<i>Чович Бранимир.</i> Абсолютная тишина и покой. Перевод поэзии и комментарии (От перевода как процесса к переводу как результату этого процесса с потенциальной интерпретацией исходного текста)	9
<i>Наугольных Е.А.</i> Поздняя проза Дж. Джойса: в поисках границ переводимости	20
<i>Стахова Л.В.</i> Эмотивность текстов молитв Джейн Остен как переводческая проблема.....	29

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

<i>Нарбут Е.В., Шерстнёва Е.С.</i> Концептуальные, социальные и этические аспекты коллаборативного перевода: вызовы и возможности.....	36
<i>Сдобников В.В.</i> Судебный перевод как вид социального перевода	48

РЕЦЕНЗИИ

<i>Раренко М.Б.</i> Рецензия на монографию: Владимир Набоков: писатель и переводчик: коллективная монография.....	60
---	----

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

<i>Петрова О.В.</i> Международная научная конференция «Подготовка переводчиков: анализ систем и подходов в странах мира» (20–21 декабря 2024 г., Нижний Новгород)	68
Требования к авторам и оформлению статей.....	71

CONTENTS

FICTION IN THE MIRROR OF TRANSLATION

<i>Covic B.</i> Absolute Peace and Quiet. Poetry Translation and Commentary (From Translation as a Process to Translation as a Result of This Process with Potential Interpretation of the Source Text)	9
<i>Naugol'nykh E.A.</i> Later Prose of J. Joyce: Reaching the Confines of Translatability	20
<i>Stakhova L.V.</i> Emotivity of Jane Austen's Prayers as a Translation Issue	29

PRAGMATIC ISSUES OF TRANSLATION

<i>Narbut E.V., Sherstneva E.S.</i> Conceptual, Social and Ethical Aspects of Collaborative Translation: Challenges and Opportunities	36
<i>Sdobnikov V.V.</i> Court Interpreting as a Peculiar Type of Community Interpreting.....	48

REVIEWS

<i>Rarenko M.B.</i> Book Review: Vladimir Nabokov: Writer and Translator: Collective Monograph	60
--	----

SCIENTIFIC EVENTS

<i>Petrova O.V.</i> "Training translators and interpreters: Analysis of National Systems and Approaches" (December 20–21, 2024, Nizhny Novgorod) [A Message on a Scientific Event]	68
Requirements for the Authors and Their Articles	71

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В ЗЕРКАЛЕ ПЕРЕВОДА

FICTION IN THE MIRROR OF TRANSLATION

УДК 81.255.2

DOI: 10.31249/perevod/2025.01.01

ЧОВИЧ БРАНИМИР*

АБСОЛЮТНАЯ ТИШИНА И ПОКОЙ. ПЕРЕВОД ПОЭЗИИ И КОММЕНТАРИИ (ОТ ПЕРЕВОДА КАК ПРОЦЕССА К ПЕРЕВОДУ КАК РЕЗУЛЬТАТУ ЭТОГО ПРОЦЕССА С ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИЕЙ ИСХОДНОГО ТЕКСТА)

Аннотация. Данная статья посвящена поэтическому образу абсолютной космической тишины и вечного покоя в стихотворении Ф.И. Тютчева «Есть в осени первоначальной...» (написано 22 августа 1857 г.) и возможным семантическим сдвигам в переводе на близкородственный сербский язык.

Данная работа имеет два плана – теоретический и аналитический – с рядом аппликаций из тематического блока стихотворений Ф.И. Тютчева о природе, с методическими указаниями на способы и приемы анализа этого же блока при помощи «структурно-семиотического» как одного из комплексных методов изучения художественного текста, с рядом универсальных явлений, которые наблюдаются в творческом акте становления художественной идеи (если под идеей понимать ‘единство элементов значения внутри сложного знака-структуры’), а именно изучение размеренного «ритма», создающего образ абсолютной космической тишины и вечного покоя как органических элементов, подчиненных задаче художественного отражения, так как именно составляющие компоненты этого образа образуют композиционную структуру данного стихотворения и способствуют единству изобразительного и эмоционального эффектов.

Ключевые слова: художественный перевод; структурно-семиотический метод анализа; стилистический эксперимент; креолизация культурных компонентов переводного и переводящего языков; два центра структурности поэтического текста.

Для цитирования: Чович Б. Абсолютная тишина и покой. Перевод поэзии и комментарии (От перевода как процесса к переводу как результату этого процесса с потенциальной интерпретацией исходного текста) // Актуальные вопросы теории и практики превода. – 2025. – № 1. – С. 9–19. – DOI: 10.31249/perevod/2025.01.01

* **Чович Бранимир** – доктор филологических наук, профессор Панъевропейского университета «АПЕЙРОН», г. Баня Лука, Республика Сербская, Босния и Герцеговина; covicb@mail.ru

© Чович Б., 2025

COVIC BRANIMIR*

**ABSOLUTE PEACE AND QUIET.
POETRY TRANSLATION AND COMMENTARY
(FROM TRANSLATION AS A PROCESS TO TRANSLATION
AS A RESULT OF THIS PROCESS WITH A POTENTIAL
INTERPRETATION OF THE SOURCE TEXT)**

Abstract. This article is devoted to the poetic image of absolute cosmic silence and eternal peace in F.I. Tyutchev's poem "There is a fleeting, wondrous moment" (written on August 22, 1857) and possible semantic shifts in translation into the closely related Serbian language. This work has two frameworks – theoretical and analytical – with a number of applications from the thematic block of F.I. Tyutchev's methods. Tyutchev on nature, with methodological instructions on the methods and techniques of analyzing the same block using the "structural-semiotic" method as one of the complex methods of studying a literary text, with a number of universal phenomena that are observed in the creative act of the formation of an artistic idea (if the idea is understood as 'the unity of the elements of meaning within a complex sign-structure'), namely, the study of a measured "rhythm" that creates an image of absolute cosmic silence and eternal peace as organic elements subordinate to the task of artistic reflection, since it is the constituent components of this image that form the compositional structure of the poem and contribute to the unity of visual and emotional effect.

Keywords: literary translation; structural-semiotic method of analysis; stylistic experiment; creolization of cultural components of the source and target languages; two centers of structurality of the poetic text.

For citation: Covic B. Absolute Peace and Quiet. Poetry Translation and Commentary (From Translation as a Process to Translation as a Result of this Process with a Potential Interpretation of the Source Text) // Current Issues of Translation Theory and Practice. – 2025. – N 1. – P. 9–19. DOI: 10.31249/perevod/2025.01.01

* **Covic Branimir** – Doctor of Philology, Professor, the Pan-European University "APEIRON", Banja Luka, Republic of Srpska, Bosnia and Herzegovina; covicb@mail.ru

© Covic B., 2025

У всех влюбленных, как у сумасшедших,
Кипят мозги: и их воображение
Всегда сильнее холодного рассудка.
*Безумные, любовники, поэты
Все из фантазий созданы одних.*
<...>

*Поэта взор в возвышенном безумье
Блуждает между небом и землей.
Когда творит воображение формы
Неведомых вещей, перо поэта,
Их воплотив, воздушному «ничто»
Дает и обиталище и имя.*

У. Шекспир «Сон в летнююночь»,
действие V, сцена I

Зальбленьици, као и лудаци,
Имају мозак толко разбуктан
И фантазију толко стваралачку
Да виде, више но што икадможе
Да види разум хладни.

*Умоболник, љубавник, песник –
То су ти створења саздана
Сва од уобразиље.*
<...>

*Песниково око, ковитлано
Безумљем дивним, шиба погледом
Час с неба земљи, час саземље небу;
Па како машта овалпођује
Видове ствари невиђених још,
Њих песниково око претвара
У лик и облик, име, дајући
И одређено место боравишта
Ваздушногничем.*

В. Шекспир «Сан летње ноћи»,
чин V, Исцена

Любую форму так называемого интерязыкового перевода в сущности определяют два понятия: «процесс» и «текст» (последний как результат этого процесса), которым соответствуют два уровня: уровень процесса коммуникации и уровень текста.

В поэтике художественного перевода эти два центральных понятия, при помощи которых уточняется становление переводного текста, следует специфицировать как сложный процесс переосмысления этого же литературно-художественного текста, который можно охарактеризовать как репродукционно-модификационный, в результате которого появится «текст художественного перевода» с рядом ближайших функционально-смысловых эквивалентов в близкородственном языке-цели. Вся система теоретических моделей художественного перевода (денотативная или ситуативная, трансформационно семантическая и модель уровней эквивалентности плана содержания) основывается на двух основных понятиях и на нескольких специфических методологических приемах анализа. «Стилистическая эквивалентность» и «креолизация культурных моделей переводного и переводящего языков» – два ключевых понятия художественного перевода. Универсальным аналитическим приемом можно считать «стилистический эксперимент» А.М. Пешковского, который состоит в поиске иммагинарных, синонимических пар или рядов к словам, синтагмам или к высшим синтаксическим целым, творящим стиль оригинала и перевода [Пешковский, 1930, с. 158], который успешно применяется как в имманентном анализе текста оригинала и перевода, каждого в отдельности, так и в сравнительно-стилистическом анализе текста оригинала и перевода, включая и возможные варианты, возникающие в самом процессе перевода, равно как и все вытекающие отсюда последствия, играющие решающую роль в выборе окончательного варианта перевода. Современная компаративистика в свои приоритетные задачи включает:

– перевод литературно-художественного произведения, посредствующего в обмене литературными ценностями между различными национальными литературами;

– трансформации оригинала;

– проблемы толкования и оценки переводного текста, включая индивидуальную проекцию переводчика, интерпретирующего в собственном духе завуалированные интенции оригинала;

– сравнительное изучение стиля оригинала и перевода при помощи принципов и приемов сравнительной стилистики и стилистической критики, равно как и креолизацию элементов оригинала и перевода.

Отправным пунктом в данных исследованиях послужил наш перевод с попутными комментариями самого «процесса» перевода одного из самых популярных в период интернета стихотворений Федора Тютчева среди русских читателей всех возрастов «Есть в осени первоначальной...» на близкородственный сербский язык. Но к нашему большому удивлению этот факт не вызвал резонанса, соответствующего этой популярности, со стороны ученых и желания по-новому провести анализ при помощи хотя бы одного из ряда современных комплексных методов изучения поэтического текста, таких как, например, герменевтико-филологический, структурно-семиотический, кибернетико-лингвистический и др.

Оригинал	Перевод и варианты перевода	Обратный перевод стихотворения Ф. Тютчева «Есть в осени первоначальной...»
<p>Есть в осени первоначальной Короткая, но дивная пора – Весь день стоит как бы хрустальный, И лучезарны вечера...</p> <p>Где бодрый серп гулял и падал колос, Теперь уж пусто все – простор везде, – Лишь паутины тонкий волос Блестит на праздно борозде.</p> <p>Пустеет воздух, птиц не слышно боле, Но далеко еще до первых зимних бурь – И льется чистая и теплая лазурь На отдыхающее поле...</p>	<p>Бива време за јесени ране Што кратко траје, ал је бајно - И вечери луном обасјане...</p> <p>Где чило шеташе срп и падању класи вिति, Сад пустош свуд је - шире се видици,-</p> <p>Само паучине танане нити Бљеште на пустој стрњици.</p> <p>Ваздух је замро, не чује се ни пој птица, Мада је далеко до првих зимских бура - Разлива се топлина пречистог азура Дуж уснулих ораница...</p>	<p>Има дана за јесени ране Краткотрајних, али бајних - Ваздасјајних ко кристали трајни И вечери јарко обасјане...</p> <p>Где хитро шеташе срп и падању класи, Сад већ влада пустош - пуцају видици,- Само паучине танке власи Бљеште на пустој стрњици. Свуд влада мук, не чују се птице више, Ал далеко је до првих зимских бура - Слива се топлина пречистог азура На уснуло стрњиште...</p> <p>Бывають дни в осени ранней Недолго дљачијесе, но дивные – Веселяјушије, как хрустали прозрачные И вечера лунным светом осиянные...</p> <p>Где ловкий гулял серп и падал колос, Теперь уж пустота везде – во всю ширь и высь, Лишь паутины тонкий волос Блестит на праздно стерне. Кругом полная тишь, птиц не слышно боле, Но далеко до первых зимних бурь – И льется теплая и пречистая лазурь На уснувшее поле...</p> <p>Примечание : Вариант перевода второй строки второго четверостишия: Теперь уж пустота везде – и ширь, и высь,</p>

<p>Оригинал</p> <p>Есть в осени первоначальной Короткая, но дивная пора – Весь день стоит как бы хрустальный, И лучезарны вечера...</p> <p>Где бодрый серп гулял и падал колос, Теперь уж пусто все – простор езде, Лишь паутины тонкий волос Блестит на праздно борозде.</p> <p>Пустеет воздух, птиц не слышно боле, Но далеко еще до первых зимних бурь – И льется чистая и теплая лазурь На отдыхающее поле...</p>	<p>1. Варианты перевода первой строфы:</p> <p>1.1. Бива доба за јесени ране Што кратко траје, ал је бајно – Дан вазда сја ко кристал трајно И вечери јарко обасјане.</p> <p>1.2. Има дана за јесени ране Краткотрајних, али бајних, Ваздасјајних ко кристали трајни И вечери јарко обасјане.</p> <p>2. Варианты перевода второй строфы:</p> <p>2.1. Где хитро шеташе срп и падаху класи, Сад већ влада пустош – пуцају видици,- Само паучине танке власи Бљеште на пустој стрњици.</p> <p>3. Варианты третьей строфы:</p> <p>3.1. Свуд влада мук, не чујусе птице више, Ал далеко је до првих зимских бура - Слива се топлина пречистог азура На уснуло стрњиште...</p> <p>3.2. Свуд влада мук, не чујусе више птице, Ал далеко је до раних зимских бура Слива се топлина пречистог азура На уснуле оранице.</p>	
--	---	--

В структуре данного стихотворения есть два ключевых момента – две конструктивные доминанты (**простор везде** и **пустаеет воздух**) и целый ряд вспомогательных, второстепенных доминант, но в функции ключевых: весь день стоит / серб. *читав дан сја (дан вазда сја; ваздасјајних дана) /*; пусто все / серб. *влада пустош свуд (пустош свуд је) /*; на праздно борозде (серб. *на пустој стрњици*); птиц не слышно боле / (серб. *не чује се ни пој птица; не чују се више птице; не чују се птице више) /*; на отдыхающее поле / серб. *дуж уснуних ораница (на уснуло стрњиште; на уснуле оранице) /*. Первое ключевое место, так называемая конструктивная доминанта, – это **простор везде**, находящееся в середине стихотворения, точнее в середине второй строфы, выделенное не случайно с обеих сторон при помощи стилистического тире, которое «принадлежит к знакам препинания самой большой выразительности и имеет большое экспрессивное значение, так что от нее зависит впечатление, которое стиль писателя оставляет на читателя», и «при помощи которого обозначается эмоциональная и смысловая пауза» [Правопис српског језика, 1994, с. 275].

В данном случае функция конструктивной доминанты двойная: и фонетическая, и стилистическая, или, иными словами, ее функция – выделение смыслового центра структурности данного стихотворения в целом, в котором находится не обозначенный формально, но присущий имманентно лирический герой среди бесконечного космического пространства:

и взгляды, и мысли, и чувства которого обращены «везде», то есть и вдаль, и вширь. Здесь не хватало только явной трансцендентальной вертикали «ввысь», хотя она виртуально подразумевалась, так как и в сербское «видик» и в русское «горизонт», кроме земли, охваченной взглядом, включена и часть неба. После долгих и мучительных поисков я должен был, к сожалению, признаться, что так и не видел эту трансцендентальную вертикаль, поскольку у двух самых близких сербских синонимических функционально-смысловых эквивалентов – «*шире се видици*» и «*пуцају видици*» для русского «*простор везде*» не хватало трансцендентальной вертикали «ввысь», без которой ни один художественный мир немислим, потому что только она (эта вертикаль) эвоцирует трансценденцию.

Эврика! Но эта дополнительная вертикаль, соединяющая верх и низ пейзажного пространства, была найдена в конце стихотворения – в дистихе «лется теплая и чистая лазурь на отдыхающее поле». Таким образом, устанавливается единство микро- и макрокосмоса и закрепляется нисходящая вертикаль, связующая макрокосмос с микрокосмосом, наподобие виртуального образа взволнованного лазурного неба над полем подсолнухов на знаменитой картине Ван Гога «*Подсолнухи*», которое (лазурное небо) при помощи новой компьютерной технологии приведено в движение на выставке под названием *VAN GOGH The Immersive Experience (Ван Гог «Запредельный опыт» («Замумный опыт»))*, организованной в знаменитом выставочном зале музея МоМА в Нью-Йорке в апреле 2022 года. Мы, конечно, не в состоянии это продемонстрировать, поэтому даем две фотографии: первую – отдельно, а вторую – рядом с текстом стихотворения – переводящего и переводного языков.

Рис. 1.
В. Ван Гог. *Подсолнухи*

Второе ключевое место – это конструктивная доминанта, находящаяся в первой строке третьей строфы – «*Пустеет воздух, птиц не слышно боле*», и именно оно эвоцирует абсолютную, космическую тишину. Из этого следует логический вывод, что Тютчев – «космист», так как прорывы в космос у него часты:

*Час тоски невыразимой:
Я во всем, все во мне.*

В этом двустии целая философская система, какой нет у Шеллинга, философа, друга Тютчева во время его дипломатической миссии в Германии: найден язык поэзии, о котором в полемике с рационалистами он высказывает свою формулу живого языка природы:

Не то, что мните вы природа:
Не слепок, не бездушный лик.
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык.

Долгому и мучительному поиску соответствующих сербских близких функционально-смысловых эквивалентов предшествовало ознакомление с некоторыми из существующих традиционных толкований и анализов этого стихотворения в университетских учебниках по истории русской литературы второй половины XIX в., появившихся в печати во второй половине XX в. на русском и сербском языках. Затем последовал скрупулезный структурно-семиотический анализ текста оригинала стихотворения «*Есть в осени первоначальной...*» и собственного перевода автора на близкородственный сербский язык, основной целью которого являлось выяснение того, к какому из двух основных типов принадлежит это стихотворение по отношению к существующим в поэзии концепций природы:

– или это стихотворение – чистая дескрипция, без наличия лирического героя,

– или, а это чаще всего, природа и лирический герой, связанные между собой тремя возможными вариантами, такими как:

а) природа и лирический герой или

б) душа лирического героя, отражающаяся в образе природы,

в) или, наоборот, – душа поэта, растворяющаяся и разливающаяся по всему пейзажному пространству: и вишь – земного, и ввысь – космического пространств.

Стихотворение-дескрипция, в котором налицо лишь «глаз» поэта без наличия его чувств и эмоций, – очень редкое явление в поэзии Тютчева о природе. Число таких стихотворений незначительно. Профессор Милосав Бабович в своей монографии «Русские реалисты» насчитывает всего восемь. Но, к нашему удивлению, среди них находится и стихотворение «*Есть в осени первоначальной...*», о котором сказано следующее: «Тютчев реализует пейзаж

довольно бедной палитрой: *это скорее рисунок, чем картина*. Объекты пейзажа фигурируют чаще колористически неопределенно. Стихотворение действует на читателя как ряд пропущенных возможностей, чтобы элементы рисунка были обозначены ярким колоритом: *серп, колосья, борозда, воздух, нива*. Там, где употребляется эпитет, он принадлежит другому семантическому ряду: *первоначальная осень, бодрый серп, тонкий волос, теплая лазурь* [Бабовић, 1986, с. 82–83].

Прежде чем приступить к ряду замечаний по поводу того, что выше высказано в анализе данного стихотворения Бабовичем, укажем лишь попутно на некоторые недочеты, связанные с отсутствием в таком анализе так называемого «внимательного чтения» (*close reading*), после которого *внимательный* читатель заметит, что *бодрый серп* и *падающий колос* являются элементами пейзажа не ранней осени, а, наоборот, приметам лета во время летней страды, а *невнимательному* читателю может показаться, что эти два словосочетания упоминаются случайно и попутно. Но, наоборот, их основная функция – это контраст по отношению к полной тишине и убаюкивающему спокойствию ранней осени. Эту же функцию выполняет и такое же попутное упоминание о предстоящих *зимних бурях* в третьей и последней строфах. Оба эти активных элемента внесены не случайно и не случайно обрамляют картину пустоты («*теперь уж пусто все*»; «*Лишь паутины тонкий волос // Блестит на праздной борозде*») и воцарившейся абсолютной тишины ранней осени («*пустеет воздух и птиц не слышно боле*»), выступая в функции так называемого неповторимого контраста. И поэтому уместна констатация Бабовича о «бедной палитре» этого стихотворения. Отсутствие богатой палитры в реализации данного осеннего пейзажа не случайно, а преднамеренно и заранее обдуманно гениальным русским поэтом.

В связи с мнением М. Бабовича, что в этом стихотворении «Тютчев реализует пейзаж довольно бедной палитрой: *это скорее рисунок, чем картина*», – укажем лишь на тот факт, что пейзаж стихотворения (который переполнен лексикой и фразеологией, принадлежащей к различным стилистически окрашенным слоям русского языка, какими являются такие как *первоначальный, лучезарный, лазурь* и др., многочисленными эпитетами, сравнениями, антропоморфизмами, метафорами, редким даже в поэзии XX в. оксюморонным рядом: «*льется теплая и чистая лазурь на отдыхающее поле*»), нельзя показать в виде рисунка, графики и даже акварели с единственным цветом лазури.

Представить наглядно его виртуальную динамику (люющуюся лазурь) возможно разве только в виде картины с присущей в конце последней строфы стихотворения Тютчева «люющей теплой и чистой лазурью», но с такой роскошной палитрой колорита лазури, при которой была бы нарушена абсолютная статичность пейзажа. В предыдущих зарисовках стихотворения Тютчева она напоминает знаменитую картину Ван Гога «Подсолнухи» с взволнованным клубящимся лазурным небом, но с «теплой и чистой лазурью», что «льется на отдыхающее поле» подсолнухов. Эту виртуальную движущуюся

«небесную лазурь» авторы выставки, посвященной Ван Гогу, динамизировали при помощи новой технологии.

Конечно, между несколькими вариантами нашего перевода данного стихотворения Тютчева, представленными здесь, было несколько промежуточных фазисов с множеством вариантных решений, которые, конечно, не нашли места в этой работе, потому что это сделало бы ее слишком громоздкой, а анализ претенциозным. В стилистическом сравнительном исследовании очень важно не «переборщить» и почувствовать момент, когда анализ следует прекратить, чтобы он не стал самоцелью. Однако мы пока не сможем с уверенностью сказать, какой из нескольких вариантов окончательный, то есть инвариантный. А существует ли он вообще и без малейшей дилеммы?

Каждый из этих переводных вариантов можно по-разному и успешно защитить. Всем моим студентам я всегда предоставлял возможность самостоятельно выбрать вариант по собственному «духу и слуху». Я все-таки рискну и выберу тот вариант, который соответствует моему «слуху и духу» и радикально отличается попыткой обнаружить скрытые в подтексте оригинала смыслы с значительными семантико-стилистическими сдвигами по отношению к оригиналу:

Има дана за јесени ране
Краткотрајних, али *бајних* –
Ваздасјајних ко кристали *трајни*
И вечери јарко обасјане...

Где хитро шеташе срп и падаху класи,
Сад већ *влада пустош – пуцају видици*, –

То, что написано о знаменитом стихотворении Федора Тютчева «Есть в осени первоначальной...» в III томе «Истории русской литературы XIX века в трех томах», вызвало мое третье и самое сильное удивление, раздражение и гнев. Привожу этот фрагмент и оставляю без комментариев, так как он даже этого не заслуживает.

«В знаменитом стихотворении “Есть в осени первоначальной...” нет метафор и олицетворений. Все стихотворение построено на объективных деталях, но детали эти таковы, что создают впечатление лазурной чистоты последних теплых дней. Это, действительно, остановленный и увековеченный день “осени первоначальной”, оформивший впечатления многих поколений. В этих двенадцати строках сконцентрированы все черты этой дивной поры, здесь все необходимо в своей исключительной четкости. И все рисует классически ясную картину – и то, что в ней есть, и то, что в ней отсутствует: и льющая, действительно, льющаяся чистая и теплая лазурь на отдыхающее поле, и то, что “птиц нет “теперь уж пусто все – простор везде...”» [История русской литературы, 1964, с. 260].

В заключение считаю нужным сказать, что особого внимания заслуживают материалы из интернет-ресурсов, предназначенных для анализа этого

стихотворения Федора Тютчева в средней школе под заглавием «Анализ стихотворения Ф. Тютчева “Есть в осени первоначальной...”» [https://rus.1sept.ru/view_article.php?ID=200802208]. Материалы эти во многом мне помогли в поисках ряда вариантов перевода на близкородственный сербский язык, в особенности тех вариантов, которые в завуалированном виде скрыты в глубинах подтекста оригинала. В знак благодарности я советую всем уважаемым коллегам ознакомиться с ними.

Федор Иванович Тютчев

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора -
Весь день стоит как бы хрустальный
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто все - простор везде,
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко еще до первых зимних бурь -
И льется чистая и теплая лазурь
На отдыхающее поле...

Федор Иванович Тютчев

Быва време за јесени ране
Што кратко траје, ал је бајно -
Чипав дан сја ко кристал трајно
И вечери луном обасјане...

Где чино шеташе срп и падашу класи вишн,
Сад пустош свуд је - шире се видишн -
Само паучине танане ипшн
Бљеште на пустој стрњишн.

Ваздух је замроче чује се ишн пој пшн,
Мада је далеко до првих зимских бур -
Разлива се толишн пречистог азур -
Дуж уснулих оранишн.

Рис. 2.

**Стихотворение Ф.И. Тютчева «Есть в осени первоначальной...»,
первый вариант перевода стихотворения Б. Човичем
на сербский и «Подсолнухи» Ван Гога**

Список литературы

- Бабовић М.* Руски реалисти XIX века. Друго издање. – Титоград : Универзитетска рибјеч, 1986. – Књига прва. – С. 82–83.
- История русской литературы : в 3 т. – Том 3 : Литература второй половины XIX – начала XX века. – Москва : Наука, 1964. – 260 с.
- Пешковский А.М.* Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы // Вопросы методики родного языка, лингвистики, стилистики. – Москва : Госиздат, 1930. – С. 158.

Сорокина Т.В. Ф.И. Тютчев «Есть в осени первоначальной...». Конспект урока по анализу поэтического текста. – URL: https://rus.1sept.ru/view_article.php?ID=200802208 (дата обращения: 03.11.2024).

Правопис српског језика. – Нови Сад : Матица Српска, 1994. – 275 с.

References

Babovic M. *Russian Realists of the 19th Century*. Second edition. Titograd: Univerzitetska rijec, 1986. Book One. Pp. 82–83. (In Serbian)

The History of Russian Literature in Three Volumes; I Vol. Literature of the Second Half of the XIX – Early XX Centuries. Moscow : Nauka, 1964. V.3 260 p. (In Russian)

Peshkovskij A.M. *Principles and Techniques of Stylistic Analysis and Evaluation of Fiction*. In: Questions of the Methodology of the Native Language, Linguistics, Stylistics. Moscow : Gosizdat, 1930. P. 158. (In Russian)

Sorokina T.V. *FI Tyutchev "There is a Fleeting, Wondrous Moment..."* : Lesson Summary on the Analysis of Poetic Text. https://rus.1sept.ru/view_article.php?ID=200802208 (accessed: 03.11.2024). (In Russian)

The Orthography of the Serbian Language. Novi Sad: Mati ca Srpska, 1994. 275 p.

Наугольных Е.А.*

**ПОЗДНЯЯ ПРОЗА ДЖ. ДЖОЙСА:
В ПОИСКАХ ГРАНИЦ ПЕРЕВОДИМОСТИ**

Аннотация. Статья посвящена позднему периоду творчества Дж. Джойса и особенностям перевода его текстов на русский язык. Материалом для исследования послужили два последних романа писателя: «Улисс» и «Поминки по Финнегану». Данные романы изобилуют интенциональными нарушениями языковых норм на всех уровнях, порождая неожиданные смыслы, допускающие множественные толкования, и вызывая трудности межъязыковой трансляции. Анализ версий на русском языке показал неизбежность смысловых потерь, звуковых искажений, изменения экспрессивности, несмотря на радикальную переработку первоисточника и предельную реализацию креативного потенциала языка перевода.

Ключевые слова: творчество Дж. Джойса; перевод; окказиональное слово; переводческая интерпретация.

Для цитирования: Наугольных Е.А. Поздняя проза Дж. Джойса: в поисках границ переводимости // Актуальные вопросы теории и практики перевода. – 2025. – № 1. – С. 20–28. – DOI: 10.31249/perevod/2025.01.02

NAUGOL'NYKH E.A.**

**LATER PROSE OF JAMES JOYCE: REACHING
THE CONFINES OF TRANSLATABILITY**

Abstract. The paper deals with language deviations of different types in the literary works of James Joyce and their translatability into the Russian language. Two later novels of J. Joyce –

* **Наугольных Евгения Андреевна** – кандидат филологических наук, доцент, и.о. заведующего кафедрой иностранных языков и фармацевтической терминологии Пермской государственной фармацевтической академии Министерства здравоохранения Российской Федерации; pulina_jane@mail.ru

© Наугольных Е.А., 2025

** **Naugol'nykh Evgeniya Andreevna** – PhD (Philology), Associate Professor, Acting Head of the Chair of Foreign Languages and Pharmaceutical Terminology, Perm State Pharmaceutical Academy; pulina_jane@mail.ru

© Naugol'nykh E.A., 2025

“*Ulysses*” and “*Finnegans Wake*” – were explored. Multiple intentional deviations from language norms at all levels give rise to unexpected meanings allowing multiple interpretations and causing extreme difficulties in the process of cross-language translation. Analysis of the Russian versions showed that even radical changes and the ultimate realization of the creative potential of the language cannot safeguard a translator from expressivity losses, sound deformations and divergence of meaning.

Keywords: J. Joyce literary works; translation; occasional words; translator’s interpretation.

For citation: Naugol’nykh E.A. Later Prose of James Joyce: Reaching the Confines of Translatability // Current Issues of Translation Theory and Practice. – 2025. – N 1. – P. 20–28. DOI: 10.31249/perevod/2025.01.02

Писатель нового времени лингвокреативен, он «осознал автономию языка и в своем стремлении к универсальности пытается выковать особое “словесное видение”, разрушающее время и пространство» [Jolas, 1972, p. 77]. Как сосуд наполняется жидкостью, так и автор книги «вливает свои мысли в искусственные стенки звучащих слов» [Грифцов, 1988, с. 95], определяя тем самым вектор восприятия произведения. Ориентированность писателей-новаторов на использование «аномальных» единиц и других девиаций продиктована прежде всего стремлением вовлечь читателя в своеобразную игру, в процессе которой лишь его собственные размышления и догадки позволяют дойти до глубинных пластов, заложенных автором.

Подобные постулаты особенно справедливы в отношении творчества писателей-модернистов и постмодернистов, целенаправленно переходящих на сторону «языковой антиприродности» [Барт, 2014, с. 296]. Позднее творчество Дж. Джойса, например, ярко демонстрирует тот тип текста, который Р. Барт называет текстом-наслаждением – текстом, который вызывает «чувство потерянности, дискомфорта, расшатывает исторические, культурные, психологические устои читателя, его привычные вкусы, ценности, воспоминания, приводит к кризису в его отношениях с языком» [Барт, 2014, с. 471].

Дж. Джойс широко известен своей ассоциативной манерой письма, техникой монтажа [Эйзенштейн, 2000], отказом от конвенциональных повествовательных форм, постоянной игрой смыслов, введением в ткань произведения амбивалентных структур. Двойственность конструкций (их амбивалентность) можно трактовать как особенность авторского стиля, вызванную наличием у Дж. Джойса специфических черт языковой личности. К последним Т.А. Гридина относит рефлексивную составляющую языковой способности писателя, его ассоциативную лабильность (способность к установлению отдельных ассоциаций, переключению ассоциативного регистра восприятия готовых знаковых форм), речевую раскованность, операционную гибкость и склонность к дивергентному мышлению [Гридина, 2009, с. 15]. Приведем два примера амбивалентных конструкций из романа «Улисс»:

Then he was aware of them bodies before of them coloured [Joyce, 1998, p. 37]. Здесь Дж. Джойс достигает лингвистической двусмыслен-

ности благодаря девиативной синтаксической конструкции, допускающей двойное прочтение фразы. Первый вариант (*then he was aware of them [as] bodies before [he was aware of] them coloured*) можно буквально перевести как «Стивен осознавал цвет вещей еще до того, как осознал их как тела». Второй вариант (*then he was aware of them [as] bodies before of them coloured*) имеет противоположное значение («Стивен осознает тела прежде цветов»). Без дополнительных пояснений автора оба прочтения являются возможными. Такая двусмысленность – один из приемов, позволяющих Дж. Джойсу создавать ощущение «текучести волн», поскольку эпизод «Протей», содержащий данное предложение, посвящен именно морскому приливу, а характерной чертой главы является – перетекание из одной мысли в другую. Перейдем ко второму примеру:

He passed an arm through the armstrap and looked seriously from the open carriage window at the lowered blinds of the avenue [Joyce, 1998, p. 84].

Окказионализм *armstrap*, образованный словосложением, раскладывается двумя способами: *arm* (рука) + *strap* (ремешок) или *arms* (руки) + *trap* (ловушка). Кроме того, единица *arm* обладает широкой семантикой и включает значение «оружие». Заметим, что ни один из найденных русских переводов лексемы нельзя считать полноценной заменой исходной единицы (Н. Волжина: «петля» [Джойс, 2000, с. 356], В. Стенич: «поручень» [Джойс, 2000, с. 551], В. Хинкис, С. Хоружий: «петля» [Джойс, 2002, с. 85], С. Махов: «петля» [Джойс, 2007, с. 83]). Помимо этого, амбивалентные конструкции Дж. Джойса зачастую привязаны не только к узкому, но и к широкому контексту, вне которого их трактовка практически невозможна. Так, в анализируемом примере в узком контексте дублируется слово *arm* (*He passed an arm through the armstrap*), а в широком контексте выстраивается звуковая связь лексем *armstrap* – *tramtrack*.

Действительно, позднее творчество Дж. Джойса насквозь музыкально. Как верно заметил У. Эко, «глыбу Улисса можно сравнить с формой, воплощенной в звуке» [Эко, 2003, с. 247]. Писатель придает своим словам запахи и звуки, о которых не ведает общепринятый стандарт. В его сверхвременной и сверхпространственной композиции язык рождается заново [Jolas, 1972, p. 80]. Автор намеренно выстраивает текст так, чтобы читатель понимал все через намек, чтобы он учился всматриваться и вслушиваться в текст.

«Лингвистическая изобретательность» (linguistic inventiveness) отмечается и в работах китайских исследователей творчества Дж. Джойса [Wu, 2011]. Не называя предмет привычным именем, автор ставит в приоритет требование видеть и слышать его, а не узнавать с первого мгновения. Приведем еще один пример из романа «Улисс»:

Enter Magee Mor Matthew, a rugged rough rugheaded kern, in strossers with a buttoned codpiece [Joyce, 1998, p. 198].

При чтении фразы вслух особенно ощущается повышенная экспрессия за счет аллитерации согласного звука [r]. Известно, что с наибольшей

определенностью наш слух улавливает повторение согласных именно в начале слова. Примечательно, что данный звук в английском языке не похож ни на один русский звук, а значит, переводчикам необходимо добиваться задуманного Дж. Джойсом эффекта другими средствами.

Особую роль в позднем творчестве Дж. Джойса играют интеръязыковые окказиональные единицы (лексемы, образованные с использованием иноязычных морфем). Они, как правило, обладают широкой семантикой и неблагозвучной формой, при этом затемняя общий смысл и внося многозначность в исходный текст. Рассмотрим следующий пример: *She trudges, schlepps, trains, drags, trascines her load* [Joyce, 1998, p. 47].

Стилистическое своеобразие отрывка достигается путем внедрения в текст романа цепочки из глаголов в определенном порядке с целью создания эффекта «крещендо» (постепенного увеличения силы звука) [Szczerbowski, 1998, s. 128]. Лишь *trudge*, *drag* содержат английские корни, остальные единицы заимствованы из других языков: *schlepps* (от древнеевр. *slepn*), *trascine* (от ит. *trascinare*) и др. Последняя лексема образована Дж. Джойсом редеривацией (обратным словообразованием). Все глаголы описывают неуклюжее, замедленное движение, сопровождающееся резкими спотыканиями, придавая ситуации комичность. Основная цель писателя «подчеркнуть узурпацию, власть английского языка, который при встрече с единицами других лексических систем вынуждает их мутировать окончательно и безвозвратно» [Taylor-Batty, 2013, p. 24]. Таким образом, активизированные мастером слова скрытые потенции языковой системы вынуждают читателя разыскивать смысл, спрятанный за аномальностью литературного материала, и спроецировать его на общий замысел произведения. Лингвистические эксперименты, начатые писателем в «Улиссе», усложняются в романе «Поминки по Финнегану», в котором писатель завершает построение своей особой языковой вселенной, интегрируя в англоязычный текст элементы колоссального количества языков. По убеждению некоторых исследователей, текст этого произведения – не что иное, как «крепкий настой из 150 живых и мертвых языков» [Шишкин, 2019, с. 100]. На страницах романа найдены не только следы привычных европейских корней, но и слова из средневековой латыни и даже арго ирландских люмпенов. Если в «Улиссе» присутствует внутренний монолог, то «Поминки по Финнегану» – постоянный полилог (в данном случае очень удачным может стать прилагательное, использованное самим Джойсом в романе, – “*parapolylogic*” [Joyce, 2012, p. 474], комбинация слов, предполагающая наличие множественных смыслов, выстроенных в гармоничные и/или диссонансирующие цепочки [Slote, 2019, p. 83].

«Затемнение», зашифровка мысли становится приоритетной в текстовом поле романа, поскольку «Поминки по Финнегану» написаны «не по-английски, а «по-финнегановски» [Эко, 2006, с. 363]. Чем больше слово «мутирует», тем большую роль начинает играть его звуковая сторона. По мнению самого Дж. Джойса, именно музыкальность оправдывает «необыкновенную

сложность» произведения [Гениева, 2011, с. 238]. Проанализируем следующий пример. *Yawhawaw. Helpunto min, helpas vin* [Joyce, 2012, p. 619].

Этот пример интересен тем, что содержит окказиональную единицу *yawhawaw*, которая, с одной стороны, представляет собой звукоподражательное новообразование (по разным версиям – звук зевания или смех), а с другой стороны, при произнесении вслух превращается в тетраграмматон. Четыре буквы *йуд-хе-вав-хе* (*Й-Х-В-Х*) образуют имя израильского бога Яхве. Вторую часть выделенного отрывка можно трактовать как искусственно сконструированную Дж. Джойсом фразу, смысл которой укладывается приблизительно в следующее: «Тот, кто помогает мне, поможет и тебе».

Учитывая вышесказанное, мы понимаем, почему У. Эко настаивает на том, что «финнегановский» язык настолько многогранен и полилингвален, что «переводить его было бы достаточно бесполезным делом» [Эко, 2006, с. 363]. Многие критики склонны называть роман даже «нечитаемым» и, как следствие, «непереводимым» [Deane, 1992].

Такой вывод напрашивается, поскольку «Поминки по Финнегану» «содержат большое количество потенциальных значений, ни одно из которых не является доминирующим» [Усманова, 2000, с. 95]. Поскольку выбор значения переводимой единицы зачастую зависит от широкого контекста и понимания всего романа в целом, переводчики прибегают к любой из возможных, на их взгляд, интерпретаций, неизбежно меняя текст Дж. Джойса. Воспроизведение ритмической структуры оригинала наряду с сохранением всех ассоциативных цепочек писателя приводит к появлению радикально переработанных версий произведения.

На русском языке помимо фрагментарных переводов существуют две полные версии романа *Ulysses* («Улисс» В. Хинкиса, С. Хоружего; «ОдиссейЯ» С. Махова), а также один полный перевод романа *Finnegans wake*, опубликованный недавно под заглавием «На помине Финнеганов» (А. Рене).

Анализ переводов позволяет сделать некоторые выводы относительно возможностей передачи словесного эксперимента Дж. Джойса на русский язык. Очевидно, что на фоне постоянно используемой гибридизации наиболее трудны для перевода вкрапления других языковых систем, поскольку порождаются многослойные пласты смысла, передача которых требует от переводчика невероятных усилий. Поскольку замысел Дж. Джойса не всегда прозрачен, переводчик рискует выхолостить или деформировать его.

Переводчикам позднего Дж. Джойса, по мнению некоторых лингвистов, следует «бороться с желанием следовать таким двум тенденциям, как: 1) гомогенизация исходного текста, особенно в том случае, когда язык перевода встроен писателем в оригинальный текст; 2) исправление “ошибок” в исходном тексте» [Gelashvily, 2020]. Продемонстрируем вышесказанное следующим примером.

Rory end to the regginbrow was to be seen ringsome on the aquaface [Joyce, 2012, p. 3]. И блестящий красный край королевского венца радуги витал над поверхностью вод [Джойс, пер. О. Брагиной].

«Так что эта радугалева видна была всюду вокруг над водлицом» [Джойс, 2022b, с. 14].

«А рудоберег имперадужки ещё только мерещился кругоподробно на лицевод» [Джойс, 2021, с. 18].

Словоформа *regginbrow* содержит в себе следующие интерязыковые смысловые элементы: *regina* (лат.) – королева + *Regen* (нем.) – дождь + *Regenbogen* (нем.) – радуг + *rainbow* (англ.) – радуга. *Aqua* в авторском неологизме *aquaface* в переводе с латинского и итальянского означает «вода». Сравнивая три перевода, мы понимаем, насколько О. Брагина безосновательно опустила (упростила) богатые смыслом словоформы-отклонения Дж. Джойса. Однако появление любых переводов романа «Поминки по Финнегану» бесценно, поскольку именно эти попытки «позволяют лучше понять “Поминки по Финнегану”, оценить экспериментаторскую смелость писателя, “разложить бесконечные языковые мозаики”, задуманные автором» [Senn, 1984, p. 2]. У. Эко также считает, что переводы романа «обогащают принимающую культуру актом словотворчества» [Есо, 2008, p. 5]. Рассмотрим пример из романа «Поминки по Финнегану» и его перевод, выполненный А. Рене (к сожалению, фрагментарные переводы этого отрывка отсутствуют).

«*What the worthy old auberginiste ought to have meant was...*» [Joyce, 2012, p. 163].

«Достойный старый корчермник, должно быть, имел в виду, что...» [Джойс, 2022a, с. 54].

В строении авторского окказионализма можно обнаружить следующие смысловые пласты: французскую лексему *aube* «рассвет», английскую лексему *aubergine* «баклажан», немецкую лексему *Berg* «гора», топоним *Bergin* «название горы». В целом перевод А. Рене дополняется объемными комментариями, приводимыми после каждой главы. В результате вместо 630 страниц русский читатель имеет дело с 12-ю томами. Переводческое решение Рене в данном случае не снабжено ссылкой, но, как нам кажется, требует некоторого уточнения, иначе читатель рискует потерять ряд заложенных Дж. Джойсом ассоциаций. Между тем французская лексема *aube* «рассвет» встречается в романе дважды как отдельное слово и 13 раз в составе авторских неологизмов. Учитывая, что тема ночи и рассвета является в произведении одной из центральных, Дж. Джойс не мог использовать ее непреднамеренно, а значит, переводчику стоило бы попробовать создать такое новообразование, которое бы подчеркивало значение данной единицы или отсылало бы к ней.

Перевод «Улисса» и «Поминок по Финнегану» многомерен, трудоемок и субъективен, но это не значит, что он не востребован читателями.

На материале ранних и поздних переводов целесообразно рассматривать приемы и возможности передачи калейдоскопичной техники Дж. Джойса. Переводчикам необходимо проводить скрупулёзный филологический и страноведческий анализ первоисточника, позволяющий воссоздать такую версию перевода, которая бы максимально приблизила читателя к языку и замыслу автора. Особая сложность перевода последнего романа видится в обилии интеръязыковых единиц, ориентированных на латиницу, глобальной интертекстуальности оригинала, а также, в большом количестве девиантных словоформ. Если рассматривать перевод как особую игру, материал, предлагаемый Дж. Джойсом, дает возможность переводчику в полной мере реализовать свой креативный потенциал, но только в рамках своего родного языка, насаждающего определенные ограничения на мышление его носителя.

Список литературы

- Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – Москва : Прогресс ; Универс, 1994. – 616 с.
- Гениева Е.Ю.* И снова Джойс... – Москва : ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2011. – 366 с.
- Гридина Т.А.* К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи // Лингвистика креатива : коллект. моногр. / под ред. проф. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2009. – С. 5–58.
- Грифцов Б.А.* Психология писателя. – Москва : Художественная литература, 1988. – 462 с.
- Джойс Дж.* Избранное : сборник : пер. с англ. / сост. К.Н. Атарова. – Москва : Радуга, 2000. – 624 с.
- Джойс Дж.* На помине Финнеганов / пер. с англ. А. Рене. – Екатеринбург : Издательские решения, 2021. – Книга 1, глава 1. – 226 с.
- Джойс Дж.* На помине Финнеганов / пер. с англ. А. Рене. – Екатеринбург : Издательские решения, 2022а. – Книга 1, глава 6. – 252 с.
- Джойс Дж.* Поминки по Финнегану : отрывок [Электронный ресурс] : пер. с англ. О. Брагина. – URL: <https://magazines.gorky.media/interpoezia/2017/2/pominki-po-finneganu.html> (дата обращения: 16.12.2024).
- Джойс Дж.* Сочинения : в 3 т. ОдиссейЯ. – Москва : ООО «СФК Инвест», 2007. – Т. 2. – 696 с.
- Джойс Дж.* Улисс : роман / пер. с англ. В. Хинкис, С. Хоружий. – Санкт-Петербург : Симпозиум, 2002. – 830 с.
- Джойс Дж.* Финнегановы воспоминки / пер. с англ. С. Диваков. – Тверь : Издательство букиниста «Что делать», 2022b. – 120 с.
- Усманова А.Р.* Умберто Эко: парадоксы интерпретации. – Минск : Прополис, 2000. – 200 с.
- Шишкин М.П.* Буква на снегу : три эссе. – Москва : АСТ, 2019. – 184 с.
- Эйзенштейн С.М.* Монтаж. – Москва : Музей кино, 2000. – 591 с.
- Эко У.* Поэтики Джойса. – Санкт-Петербург : Симпозиум, 2003. – 496 с.
- Эко У.* Сказать почти то же самое: опыты о переводе. – Санкт-Петербург : Симпозиум, 2006. – 574 с.
- Deane S.* Introduction // Joyce J. *Finnegans Wake*. – New York : Penguin Classics, 1992. – P. VII–XVIII.
- Eco U.* *Experiences in Translation*. – Toronto : University of Toronto Press, 2008. – 137 p.
- Gelashvili M., Gelashvili T.* Multilingualism of James Joyce's *Finnegans Wake* and Problems of Its Translation and Teaching in Georgian // *International Journal of Multilingual Education*. – 2020. – N 15 – P. 62–72.

- Jolas E. *The Revolution of Language and James Joyce // Our Exagmination Round His Factification For Incamination of Work in Progress.* – New York : New Directions, 1972. – P. 77–92.
- Joyce J. *Finnegans Wake.* – London : Wordsworth Classic, 2012. – 628 p.
- Joyce J. *Ulysses.* – London : Picador, 1998. – 741 p.
- Senn F. *Joyce's Dislocutions : Essays on Reading and Translation.* – Baltimore : The Johns Hopkins University Press, 1984. – 225 p.
- Slote S. *Finnegans Wake, However Basically Translated // Translation Studies.* – 2019. – N 12 (1). – P. 78–88.
- Szczerbowski T. *Gry językowe w przekładach "Ulissesa" Jamesa Joyce'a.* – Krakow : Institut języka polskiego, 1998. – 145 p.
- Taylor-Batty J. *Multilingualism in Modernist Fiction.* – New York : Palgrave Macmillan, 2013. – 235 p.
- Wu X. *The Poetics of Foregrounding: The Lexical Deviation in Ulysses // Theory and Practice in Language Studies.* – 2011. – Vol. 1, N 9. – P. 1176–1184.

References

- Bart R. *Selected Works: Semiotics. Poetics.* Moscow: Progress; Univer, 1994. 616 p. (In Russian)
- Dzhojs Dzh. *Selected Works.* Moscow: Raduga, 2000. 624 p. (In Russian)
- Dzhojs Dzh. *Joyce J. Finnegans Wake: vol. 1, chapter 1; transl. A. Rene.* Yekaterinburg: Izdatel'skie reshenija, 2021. 226 p. (In Russian)
- Dzhojs Dzh. *Joyce J. Finnegans Wake: vol. 1, chapter 1; transl. A. Rene.* Yekaterinburg : Izdatel'skie reshenija, 2022a. 252 p. (In Russian)
- Dzhojs Dzh. *Joyce J. Finnegans Wake: transl. O. Bragina.* – URL: <https://magazines.gorky.media/interpoezia/2017/2/pominki-po-finneganu.html> (accessed: 16.12.2024). (In Russian)
- Dzhojs Dzh. *Joyce J. Works in 3 Volumes: OdisseyYa; transl. S. Makhov.* Moscow: SFK Invest, 2007a. 696 p. (In Russian)
- Dzhojs Dzh. *Joyce J. Ulysses: transl. V. Khinkis, S. Khoruzhij.* St. Petersburg: Simpozium, 2002. 830 p. (In Russian)
- Dzhojs Dzh. *Joyce J. Finnegans Wake : transl. S.V. Divakov.* Tver': Izdatel'stvo bukinista "Chto delat'?", 2022. 120 p. (In Russian)
- Ehzenshtejn S.M. *Montage.* Moscow: Muzej kino, 2000. 591 p. (In Russian)
- Grifcov B.A. *Psychology of the Writer.* Moscow: Khudozhestvennaja literatura, 1988. 462 p. (In Russian)
- Eko U. *Joyce's Poetics.* St. Petersburg: Simpozium, 2003. 496 p. (In Russian)
- Eko U. *Experiences in Translation.* St. Petersburg: Simpozium, 2006. 574 p. (In Russian)
- Deane S. *Introduction.* In: *Joyce J. Finnegans Wake.* New York: Penguin Classics, 1992. Pp. vii–xviii.
- Eco U. *Experiences in Translation.* Toronto: University of Toronto Press, 2008. 137 p.
- Gelashvili M., Gelashvili T. *Multilingualism of James Joyce's Finnegans Wake and Problems of its Translation and Teaching in Georgian.* In: *International Journal of Multilingual Education.* 2020. N 15. Pp. 62–72.
- Genieva E.Ju. *And Joyce Again...* Moscow: VGBIL im. M.I. Rudomino, 2011. 366 p. (In Russian)
- Gridina T.A. *To the Origins of Verbal Creativity: Creative Heuristics of Children's Speech.* In: *Linguistics of Creativity: Coll. Monograph: ed. prof. T.A. Gridina.* Yekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2009. Pp. 5–58. (In Russian)
- Jolas E. *The Revolution of Language and James Joyce.* In: *Our Exagmination Round His Factification For Incamination of Work in Progress.* New York: New Directions, 1972. Pp. 77–92.
- Joyce J. *Finnegans Wake.* London: Wordsworth classic, 2012. 628 p.
- Joyce J. *Ulysses.* London: Picador, 1998. 741 p.

- Senn F. *Joyce's Dislocutions: Essays on Reading and Translation*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1984. 225 p.
- Shishkin M.P. *A Letter on the Snow: Three Essays*. Moscow: AST, 2019. 184 p. (In Russian)
- Slote S. *Finnegans Wake, However Basically Translated*. In: *Translation studies*. 2019. N 12 (1). Pp. 78–88.
- Szczerbowski T. *Gry językowe w przekładach "Ulissesa" Jamesa Joyce'a*. Krakow: Instytut języka polskiego, 1998. 145 p.
- Taylor-Batty J. *Multilingualism in Modernist Fiction*. New York: Palgrave Macmillan, 2013. 235 p.
- Usmanova A.R. *Umberto Eco: The Paradoxes of Interpretation*. Minsk: Propilei, 2000. 200 p. (In Russian)
- Wu X. *The Poetics of Foregrounding: The Lexical Deviation in Ulysses*. In: *Theory and Practice in Language Studies*. 2011. Vol. 1, N 9. Pp. 1176–1184.

СТАХОВА Л.В.*
ЭМОТИВНОСТЬ ТЕКСТОВ
МОЛИТВ ДЖЕЙН ОСТЕН
КАК ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Аннотация. В статье представлены результаты анализа текстов авторских молитв Джейн Остен, иллюстрирующие высокую степень эмотивности произведений. Эмотивность текстов Остен создается при помощи лингвистических средств всех языковых уровней и обусловлена особым двунаправленным характером авторских молитв, являющихся, с одной стороны, своеобразным обращением к Богу, с другой стороны, специфичным имплицитным дидактическим призывом к современникам автора, благодаря которому тексты наряду с эмотивностью приобретают и эмоциогенность. В работе использованы методы контекстуального и семантического анализа лингвистических средств, создающих эмотивность текста.

Ключевые слова: Джейн Остен; авторские молитвы; эмотивность; эмоциогенность; эмотив; художественный перевод.

Для цитирования: Стахова Л.В. Эмотивность текстов молитв Джейн Остен как переводческая проблема // Актуальные вопросы теории и практики перевода. – 2025. – № 1. – С. 29–35. – DOI: 10.31249/perevod/2025.01.03

STAKHOVA L.V.**
EMOTIVITY OF JANE AUSTEN'S PRAYERS
AS A TRANSLATION ISSUE

Abstract. The study presents the results of the analysis which reveal a high level of emotivity of Jane Austen's prayers. The emotivity of Austen's prayers is obtained by the wide range of linguistic phenomena. It is also caused by the specific bidirectional nature of the author's prayers, being, on the one hand, the author's personal appeal to God and, on the other hand, a certain hidden didactic claim to her contemporaries. As a result, the texts possess not only

* Стахова Лариса Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и перевода Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина; larisastakhiova@gmail.com

** Stakhova Larisa Vladimirovna – PhD (Philology), Associate Professor, Foreign Languages Dpt., Pushkin Leningrad State University; larisastakhiova@gmail.com

emotivity but emotigenicity. The study is based on such scientific methods as contextual analysis and comparative analysis of the linguistic means in question.

Keywords: Jane Austen; author's prayers; emotivity; emotigenicity; emotive language unit; literary translation.

For citation: Stakhova L.V. Emotivity of Jane Austen's Prayers as a Translation Issue // Current Issues of Translation Theory and Practice. – 2025. – N 1. – P. 29–35. DOI: 10.31249/perevod/2025.01.03

Джейн Остен вошла в мировую литературу в первую очередь как автор романов, однако ее литературное наследие не ограничивается этими произведениями. Не менее важными для понимания личности автора являются тексты ее молитв [Austen, электронный ресурс]. Однако на сегодняшний день молитвы, написанные Остен, не получили должного освещения в немногих посвященных им научных исследованиях [Stovel, 1994; Naykin, 2016].

Одной из особенностей этих произведений является определенный эмоциональный настрой текстов, который М. Хайкин называет «религиозной искренностью» [Naykin, 2016]. Эмоциональная окраска текста – очень сложный для анализа параметр. Отмечается, что любое речевое произведение содержит оценочную и эмотивную информацию, выражающую «эмоционально-оценочное отношение говорящего к сообщаемому, в том числе и нейтральное» [Шелякин, 2005, с. 47–48]. По мнению В.И. Шаховского, эмотивность, отражая мыслительную деятельность автора текста, будучи тесно связанной с оценочностью, является одним из значимых компонентов модальности и может рассматриваться как одна из важнейших текстовых категорий [Шаховский, 2008, с. 58].

Цель данной статьи – выявить лингвистические средства выражения эмотивности в текстах молитв Джейн Остен и определить степень их эмоциональной насыщенности. Выявление средств создания эмотивности оригинальных текстов необходимо в том числе и для определения стратегий передачи эмоциональной окраски молитв при переводе на русский язык.

Эмотивность текста тесно связана с эмоциогенностью. Являясь «орудием эмоций» [Маслова, 2004, с. 227], язык формирует систему лингвистических средств – эмотивов, призванных не только выразить эмоции говорящего, но и «способных произвести эмоциогенный эффект, вызвать у языковой личности соответствующие эмоции» [Маслова, 2004, с. 227]. Это особенно справедливо в отношении авторских молитв Остен, так как помимо прочего целью молитв была апелляция к разуму и чувствам слушающих.

Эмотивность текста представляется двусторонней сущностью с многомерным планом содержания, составляющим «эмоциональную часть коммуникативных стратегий автора» и входящим в когнитивное содержание текста (эмотивная окраска, эмотивный фон, эмотивная тональность), и линейным планом выражения, представленным языковыми и текстовыми

маркерами эмоций, мотивированных содержанием текста [Нашхоева, 2011, с. 96–97]. Реализация эмотивности текста осуществляется при помощи эмотивов – языковых средств выражения эмоций, которые можно разделить на средства, выражающие эмоциональное переживание, включающие субъект переживания и эмоциональный признак, и средства, выражающие эмоциональное отношение, включающие субъект переживания, эмоциональный признак и объект, на который направлены эмоции [Ленько, 2014, с. 198]. К лексическим эмотивам относятся единицы, выражающие эмоции (междометия и эмотивные обращения), обозначающие эмоции (прямые номинации эмоций) и описывающие эмоции (репрезентируют внешние проявления эмоций). Экспрессивные эмотивы включают стилистические образные средства, эмоциональный синтаксис и эмоциональную морфологию [Шаховский, 2009, с. 19–28].

Некоторые исследователи относят к языковым средствам выражения эмоций как собственно эмотивные языковые средства, так и нейтральные, являющиеся маркером эмоций – имена эмоциональных концептов, представляющих эмотивную тему, такие как «родина», «семья», «мать» и т.п. [Нашхоева, 2011, с. 98].

В современной лингвистике исследования эмотивности проводятся на материале текстов разных жанров, однако тексты молитв с позиции их эмотивности еще не рассматривались. Возможно, это связано с недостаточной разработкой проблемы лингвистического оформления текста молитвы в целом. Исследование особенностей языковой репрезентации текстов молитв осложняется спецификой сферы функционирования этих текстов, особенно если речь идет об авторских молитвах, каковыми являются молитвы Джейн Остен. Рассмотрим лингвистические средства, создающие эмотивность молитв Остен.

Одной из особенностей текстов является довольно большое количество сакрально-богослужебной лексики. В текстах представлены достаточно разнообразные наименования Бога, которые автор использует при обращении к Нему: *oh! God, Almighty Father, oh! heavenly Father, oh gracious Father*. Также есть одно обозначение Иисуса Христа – *our blessed saviour*. Эмотивность текстов реализуется как при помощи частого использования обращения *Father*, так и междометием *oh*, восклицательными знаками и эмоциональными эпитетами.

Группа лексем, обозначающих участников, процесс и содержание религиозного богослужения, представлена некоторым количеством базовых единиц и их производных: *to pray; sin; evil; commandments; faith; life to come; religious feeling; heavenly kingdom; pride; vanity; temptation* и др. Стилистический регистр текста эмоционально маркируется обилием книжной лексики: *commission; endeavor; neglect; benevolent; impenitent; repentance; devotion; sincere* и т.п.

Отмечается повышенная номинативность текста, выраженная обилием именных частей речи, вторичной предикацией – формами инфинити-

вов, модальными глаголами, глаголами неакционального характера: *Teach us to understand; We bless thee; graciously preserve us; we may feel*. Наблюдается полное отсутствие собственно акциональных глаголов. Под влиянием контекста акциональные глаголы утрачивают сему акциональности и реализуют стативное значение: *our blessed saviour has set us the highest example; have we ... willingly given pain to any human being?* Единственным примером реализации акциональной семы является фраза *we may feel the importance of every day, and every hour as it passes*, однако и в данном случае стертая метафора, которую использует Остен, частично нейтрализует сему акциональности.

Достаточно интересным является использование личных местоимений. Самыми частотными являются местоимение 2-го лица единственного числа *thou* и его формы *thee, thy* и местоимение 1-го лица множественного числа *we* и его формы *us, our*. Обращает на себя внимание использование устаревшей формы *thou*, что создает особый эмотивный настрой текста, подчеркивающий своеобразное отношение автора к Богу, ее непоколебимую веру. Употребление местоимения *we* также несет определенную смысловую нагрузку, отражая близкую Остен идею благолепия коллективного, совместного обращения к Богу, что ярко представлено, например, в ее романе «Мэнсфилд Парк». В молитвах встречается, хотя и гораздо реже, местоимение 3-го лица *they*, обозначающее членов семьи и близких, которые не могут принять участие в общей молитве, так как их нет рядом в данный момент, и даже все человечество: *Have mercy oh gracious Father! upon all that are now suffering from whatsoever cause, that are in any circumstance of danger or distress. Give them patience under every affliction, strengthen, comfort and relieve them*.

Любопытным является тот факт, что далее автор объединяет все обозначенные группы и опять использует только местоимение 1-го лица множественного числа. Таким образом, в молитвах четко выражено представление Джейн Остен о существующем миропорядке – есть Бог и люди, Его паства: *...however divided and far asunder, we know that we are alike before thee, and under thine eye. May we be equally united in thy faith and fear, in fervent devotion towards thee, and in thy merciful protection this night*.

Синтаксическое оформление текста характеризуется полными двусоставными распространенными предложениями. Синтаксические стилистические маркеры религиозного дискурса представлены очень широко. Отмечается большое разнообразие форм императива 2-го лица, что обусловлено жанром молитвы, предполагающим обращение с просьбой. Конструкции с глаголами в форме императива 2-го лица очень разнообразны: *give us grace, look down with mercy, teach us to understand, dispose our hearts*. Некоторые конструкции повторяются, самыми частотными являются, например, фразы с глаголами *give, look, pardon*. Именно с помощью этих выражений автор апеллирует к Богу, взывая к Его милости. Всего в трех молитвах, содержащих 37 предложений, насчитывается 25 конструкций с формой императива 2-го лица.

Особенностью многих императивных конструкций в текстах молитв является использование эмоционального обращения: *keep us oh! Heavenly Father from evil; incline us oh God! to think* и т.п.

Довольно частотной характеристикой текстов молитв можно считать использование аналитических форм повелительного наклонения с модальным глаголом *may*, придающих тексту экспрессивно-эмоциональную окраску торжественности, значимости содержания и тем самым повышающих стилистический регистр. Инверсия и книжная лексика еще больше усиливают этот стилистический эффект:

May the knowledge of this teach us to fix our thoughts on thee, with reverence and devotion that we pray not in vain.

May the comforts of every day, be thankfully felt by us ...

Наряду с подлежащим, выраженным именем существительным, встречаются аналитические формы с подлежащим, выраженным местоимением 1-го лица множественного числа:

May we now, and on each return of night, consider how the past day has been spent by us ...

Также можно отметить использование других элементов эмоционального синтаксиса. К ним относятся, например, инверсии:

Thou art every where present, from thee no secret can be hid.

May the knowledge of this teach us to fix our thoughts on thee, with reverence and devotion that we pray not in vain.

Look down with mercy on thy servants here assembled and accept the petitions now offered up unto thee.

Всего в текстах молитв было отмечено 12 инвертированных конструкций. Помимо инверсий встречаются синтаксические повторы, создающие четкий ритмический рисунок, который позволяет отнести тексты молитв в особую группу произведений, занимающих промежуточное положение между поэзией и прозой: *We thank thee with all our hearts for every gracious dispensation, for all the blessings that have attended our lives, for every hour of safety, health and peace, of domestic comfort and innocent enjoyment.*

May thy mercy be extended over all mankind, bringing the ignorant to the knowledge of thy truth, awakening the impenitent, touching the hardened.

Ритм также поддерживается при помощи повтора многочисленных форм императива. Особую ритмичность текст приобретает при использовании повторов в вопросительных конструкциях:

Have we thought irreverently of thee, have we disobeyed thy commandments, have we neglected any known duty, or willingly given pain to any human being?

Обращает на себя внимание и использование эмфатических структур, например:

More particularly do we pray for the safety and welfare of our own family and friends wheresoever dispersed ...

...and may we by the assistance of thy holy spirit so conduct ourselves on earth as to secure an eternity of happiness with each other in thy heavenly kingdom.

Что касается экспрессивных образных средств, то можно отметить ряд языковых метафор, которые, несмотря на свою узуальность, также способствуют повышению степени эмотивности текстов молитв: *...the sinfulness of our own hearts...; ...bringing the ignorant to the knowledge of thy truth, awakening the impenitent, touching the hardened.*

Таким образом, рассмотренные языковые средства, реализующиеся на всех языковых уровнях, позволяют нам сделать вывод о высокой эмотивности текстов авторских молитв Джейн Остен. Но писательница выражает таким образом не только свое отношение к вере: молитвы предназначены для совместного с близкими обращения к Богу, т.е. автор предполагает создать необходимый для молитвы душевный настрой, сформировать определенные моральные воззрения, нравственные устои у своих слушателей или читателей, что делает тексты молитв эмоциогенными.

Перевод подобных эмоционально окрашенных текстов – непростая задача, так как необходимо не только постараться передать эмоциональность и эмоциогенность, заложенные в оригинале, но и воспроизвести это для реципиента – представителя другой культуры, другой конфессиональной принадлежности. В научной литературе отмечается неразработанность вопроса перевода эмотивности [Сидоренко, 2013, с. 92] и предлагаются самые общие рекомендации. Например, В.И. Шаховский подчеркивает, что эмотивность, будучи категорией изменчивой, по-разному воспринимается реципиентами – представителями другого поколения даже в случае с текстами на родном языке, и замечает, что учитывать изменчивость норм реализации эмотивности тем более необходимо при переводе текстов [Шаховский, 2008, с. 154–155]. Несмотря на всю сложность поставленной задачи, тексты молитв Остен переводить можно и нужно. Во-первых, перевод позволяет сделать более полные и верные выводы о личности автора и ее мировоззрении. Во-вторых, несмотря на их кажущуюся ограниченность по тематике, в текстах молитв рассматриваются общечеловеческие проблемы и непреходящие нравственные ценности, что делает ее молитвы, как все остальные произведения писательницы, с их тонкой иронией и имплицитной дидактичностью неотъемлемой частью мировой культуры. В-третьих, жанр авторской молитвы – очень специфичное явление, требующее особого отношения при переводе и являющееся своеобразным вызовом для переводчика.

Повышенная эмотивность и эмоциогенность текстов авторских молитв Джейн Остен обусловили ряд задач, которые необходимо решить при переводе адекватно передать авторские средства эмотивности, составляющие идиостиль автора, и сохранить форму оригинала, не допуская избыточной стилизации перевода под молитвы на старославянском языке.

Список литературы

- Ленько Г.Н. Уровни анализа текстовой эмотивности: (на примере текстов художественного стиля) // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – Санкт-Петербург : Изд-во ЛГУ, 2014. – № 2. – С. 192–201.
- Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – Минск : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
- Нашихоева М.Р. Лингвистическая концепция эмоций и эмотивности текста // Вестник ЮУрГУ. – 2011. – № 1. – С. 95–98.
- Пиотровская Л.А. Эмотивность и эмоциогенность текста // Актуальные проблемы гуманитарных наук : труды VI Международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург : МОО «ИС», 2020. – С. 408–411.
- Сидоренко А.С. Основные направления в исследовании сущности и объема категории эмотивности // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия: Гуманитарные науки, Языкознание. – 2013. – № 10. – С. 91–97.
- Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. – Москва : Гнозис, 2008. – 416 с.
- Шаховский В.И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии. – Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. – 170 с.
- Шелякин М.А. Язык и человек: к проблеме мотивированности языковой системы. – Москва : Флинта : Наука, 2005. – 296 с.
- Austen J. Three Evening Prayers [Электронный ресурс]. – URL: <https://janeausten.co.uk/blogs/jane-miscellany/on-each-return-of-the-night-a-prayer-by-jane-aust> (дата обращения: 10.11.2024).
- Haykin M.A.G. The Christian Faith of Jane Austen [Электронный ресурс]. – 2016. – URL: <https://www.crossway.org/articles/the-christian-faith-of-jane-austen/> (дата обращения: 10.11.2024).
- Stovel B. 'A Nation Improving in Religion': Jane Austen's Prayers and Their Place in Her Life and Art // Persuasions. – 1994. – N 16. – P. 185–196. – URL: <https://www.jasna.org/persuasions/printed/number16/stovel.htm> (дата обращения: 11.11.2024).

References

- Len'ko G.N. *Levels of Analysis of Text Emotivity* : (Based on the Samples From Fiction). In: Bulletin of Leningrad State univ., named after A.S. Pushkin. 2014. N 2. Pp. 192–201. (In Russian)
- Maslova V.A. *Cognitive Linguistics*. Minsk: TetraSystems, 2004. 256 p. (In Russian)
- Nashkhoeva M.R. *Linguistic Concept of Emotions and Text Emotivity*. In: Bulletin of South-Ural State univ. 2011. N 1. Pp. 95–98. (In Russian)
- Piotrovskaya L.A. *Text Emotivity and Emotiogenicity*. In: The issues of humanity studies; Proceedings of VI International Conference. 2020. Pp. 408–411. (In Russian)
- Sidorenko A.S. *Main trends in emotivity studies*. In: Bulletin of Polotsk State univ., 2013. N 10. Ser. Linguistics. Pp. 91–97. (In Russian)
- Shahovskij V.I. *Language and Emotions in Linguacultural Aspect*. Volgograd: Izdatel'stvo VGPU "Peremena", 2009. 170 p. (In Russian)
- Shahovskij V.I. *Linguistic Theory of Emotions*. Moscow: Gnosis, 2008. 416 p. (In Russian)
- Shelyakin M.A. *Language and Human Being: On the Grounds of the Language System*. Moscow: Flinta: Nauka, 2005. 296 p. (In Russian)
- Austen J. *Three Evening Prayers*. – URL: <https://janeausten.co.uk/blogs/jane-miscellany/on-each-return-of-the-night-a-prayer-by-jane-aust> (accessed: 10.11.2024).
- Haykin M.A.G. *The Christian Faith of Jane Austen*. – URL: <https://www.crossway.org/articles/the-christian-faith-of-jane-austen/> (accessed: 10.11.2024).
- Stovel B. 'A Nation Improving in Religion': Jane Austen's Prayers and Their Place in Her Life and Art. In: *Persuasions*. 1994. N 16. P. 185–196. – URL: <https://www.jasna.org/persuasions/printed/number16/stovel.htm> (accessed: 11.11.2024).

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

PRAGMATIC ISSUES OF TRANSLATION

УДК: 81'25

DOI: 10.31249/perevod/2025.01.04

НАРБУТ Е.В., ШЕРСТНЁВА Е.С.*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОЛЛАБОРАТИВНОГО ПЕРЕВОДА: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Аннотация. В статье проводится всесторонний анализ концептуальных, социальных и этических аспектов коллаборативного перевода. В рамках обсуждения художественного перевода особое внимание уделяется взаимодействию переводчика с другими участниками процесса, такими как авторы оригинала, редакторы и литературные агенты. Подчеркивается, что коллаборативный перевод требует тесного взаимодействия и сотрудничества с автором, особенно при работе со сложными текстами, насыщенными культурными и стилистическими особенностями. При этом сотрудничающие стороны могут сталкиваться с трудностями, такими как конфликты интересов или ограничения на разглашение информации, что требует гибкого и структурированного подхода к распределению ролей и ответственности. В статье также предлагается подход «исполнитель – сообщество», позволяющий учитывать разнообразие ролей и участников перевода, включая переводчиков, авторов, редакторов, ученых и читателей. Этот подход раскрывает сложную сеть отношений между различными исполнителями и позволяет индивидуализировать роли и разграничить ответственность, создавая структурированную и устойчивую модель коллаборативного перевода.

Ключевые слова: коллаборативный перевод; социальные и этические аспекты перевода; краудсорсинг; взаимодействие переводчика и автора; исполнитель – сообщество; конфликты и ответственность в переводе.

Для цитирования: Нарбут Е.В., Шерстнёва Е.С. Концептуальные, социальные и этические аспекты коллаборативного перевода: вызовы и возможности // Актуальные вопросы теории и практики перевода. – 2025. – № 1. – С. 36–47. – DOI: 10.31249/perevod/2025.01.04

* **Нарбут Елена Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент, проректор по развитию международной деятельности, директор педагогического института ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»; narbut@rambler.ru; **Шерстнёва Екатерина Сергеевна** – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»; mountaintocrystal@mail.ru

© Нарбут Е.В., Шерстнёва Е.С., 2025

NARBUT E.V., SHERSTNEVA E.S.**

CONCEPTUAL, SOCIAL, AND ETHICAL ASPECTS OF COLLABORATIVE TRANSLATION: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the conceptual, social, and ethical aspects of collaborative translation. In the discussion of literary translation, particular attention is given to the interaction between the translator and other participants of the process, such as the original authors, editors, and literary agents. It is emphasized that collaborative translation requires close interaction and cooperation with the author, especially in the case of work with complex texts with significant cultural and stylistic features. At the same time, such collaboration may face challenges, including conflicts of interest or limitations on information disclosure, requiring a flexible and structured approach to role distribution and responsibility. The article also proposes the “performer – community” approach, which allows for consideration of the diversity of roles and participants in the translation process, including translators, authors, editors, scholars, and readers. This approach reveals the complex network of relationships between various participants and enables the individualization of roles and clear division of responsibilities, creating a structured and sustainable model for collaborative translation.

Keywords: collaborative translation; social and ethical aspects of translation; crowdsourcing; translator – author interaction; performer – community; conflicts and responsibility in translation.

For citation: Narbut E.V., Sherstneva E.S. Conceptual, Social, and Ethical Aspects of Collaborative Translation: Challenges and Opportunities // Current Issues of Translation Theory and Practice. – 2025. – N 1. – P. 36–47. DOI: 10.31249/perevod/2025.01.04

Процесс перевода литературы – это сложная и многогранная задача, особенно когда дело касается художественных произведений, требующих ювелирного уровня креативности и сензитивности для всестороннего охвата нюансов оригинального текста. Совместная работа автора и переводчика над проектом художественного перевода может предложить множество преимуществ, включая более всестороннее понимание исходного текста, доступ к нескольким точкам зрения и наборам навыков, а также возможность создания более точного и полного перевода. По мнению переводоведа И. Конка, сотрудничество переводчика с автором – это наиболее плодотворный вид коллаборации в процессе работы над переводом, если все хорошо складывается; в противном случае это, «вероятно, приведет к еще большим проблемам, все усложнив» (здесь и далее перевод наш. – *ЕН., Е.Ш.*) [Конка, 2022, р. 86]. В этой статье мы анализируем преимущества сотрудничества в литературном переводе с акцентом на конкретные про-

** **Narbut Elena Vladimirovna** – PhD (Philology), Associate Professor, Vice-Rector for International Relations Development, Director of the Pedagogical Institute, FSBEI HE “North-Eastern State University”; narbut@rambler.ru; **Sherstneva Ekaterina Sergeevna** – PhD (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Philology, FSBEI HE “North-Eastern State University”; mountaincrystal@mail.ru

© Narbut E.V., Sherstneva E.S., 2025

блемы и возможности, представленные при переводе произведений художественной литературы. Кроме того, мы также рассматриваем примеры успешных проектов совместного перевода и предоставим практические рекомендации для эффективного взаимодействия в процессе литературного перевода.

Безусловно, начиная с древних времен, сложилась практика перевода группами, состоящими из специалистов, владеющих разными языками и навыками. Специалисты из разных культур объединялись в переводческие команды, чтобы найти оптимальное решение проблем перевода, а переводимые тексты неоднократно перечитывались и переписывались участниками. Современный интерес к реляционности и коллаборативному движению побуждает нас обратить внимание на то, как быстрое расширение семантического поля, охватываемого термином «коллаборативный перевод» (*“collaborative translation”*), подчеркивает, что его значение неразрывно связано с его использованием в определенных контекстах.

При подходе к коллективному художественному переводу часто акцентируется внимание на том, кто сотрудничает, с кем сотрудничает и как можно классифицировать данное взаимодействие в зависимости от отношений его участников. Полезным будет также упомянуть парадигматические примеры, признавая, что изучение их, вероятно, проливает свет на другие аналогичные случаи коллаборации в процессе перевода. Очевидные примеры коллективного перевода подразумевают наличие таких составляющих процесса как:

- переводчик, работающий непосредственно с автором исходного текста;
- два или более переводчика (обычно с дополняющими друг друга языковыми компетенциями), работающих вместе над переводом;
- переводчики одного автора, работающие вместе для создания общих ресурсов;
- сценический переводчик, который тесно сотрудничает с драматургом, режиссером, актерами и другими участниками;
- переводы, созданные при помощи массового участия / краудсорсинга (обычно с помощью цифровых инструментов и технологий).

При обсуждении коллаборативного перевода естественно склоняться к определенным отношениям, которые действительно заслуживают тщательного анализа, к примеру, «автор – переводчик». В качестве одного из предложений по учету коллабораторов в процессе перевода можно привести следующее: рассматривать коллективный перевод в рамках подхода «исполнитель – сообщество», который отражает сеть отношений между различными участниками (людьми и иными материалами и ресурсами) – авторами, текстами, переводчиками, институтами, редакторами, издателями, учеными, читателями. Подход «исполнитель – сообщество» позволяет выявить как отличительные, так и смешанные роли различных участников в контексте работы над художественным переводом, процессы, в которых они участвуют, и их воздействие друг на друга. Кроме того, обозначенный

выше подход помогает разрешить организационные вопросы по индивидуализации ролей и разграничению ответственности исполнителей.

При рассмотрении интересующего нас явления коллаборации в переводе нам видится весьма релевантным привести слова переводоведа Э. Пима, который в своем исследовании по переводческой терминологии “Translation Research Terms: A Tentative Glossary for Moments of Perplexity and Dispute” говорит о том, что «коллаборативный перевод: синоним термина “краудсорсинг”, “сообщественный перевод” (“community translation”), ... используется для определения группового перевода, где работа осуществляется в основном добровольно (т.е. без финансового вознаграждения)». Вникая в тонкости исторического контекста слов «коллаборация» и «соучастие», более уместным термином для обозначения данного явления Э. Пим считает вариант «участие в переводе» (“participative translation”) или «инициативный перевод» (“volunteer translation”). Однако, если идея коллаборации подразумевает что-то нелегальное или подпольное, такой подход нельзя назвать уместным во многих ситуациях [Pym, 2011, p. 77].

Кроме того, хочется добавить, что сам термин «коллаборативный перевод», или «сотрудничество в переводе» проистекает из того, каким образом данный термин был применен к пониманию авторства: “the act of sharing authority over a work or some portion of it” – «акт разделения авторства в произведении или его части» [Shillingsburg, 2017, p. 173].

Вопрос о том, можно ли понимать авторство непосредственно в контексте его уникальной принадлежности только создателю произведения или же рассматривать как конструкт, являющийся результатом деятельности нескольких человек, работавших над текстом, до сих пор остается предметом обсуждения для исследователей. Когда мы говорим о переводе произведения и его издании, ситуация также весьма спорная. Так, А.Е.Б. Колдайрон в своей монографии “Printers Without Borders: Translation and Textuality in the Renaissance”, рассуждая о роли и функции авторства в процессе перевода в эпоху Ренессанса, отмечает, что, несмотря на то, что переводчик и типограф выполняли разные функции, они «тесно сотрудничали», даже если могли «находиться в одном лице, поскольку многие ранние английские типографы, начиная с У. Кэстона, также были переводчиками». А.Е.Б. Колдайрон сравнивает каждого из них с кино- продюсерами начала XX в. – «не просто безликими посредниками или техниками, а предпринимателями, экспериментаторами». Исследовательница отмечает, что совместные усилия по «созданию не только языковой читаемости, но и культурной понимаемости» в течение первых двух столетий книгопечатания в Англии включали работу типографов, переводящих «технологии и техники, актуальные для европейского континента» и работу переводчиков, переводящих слова, стили, жанры – своеобразный симбиоз, который помог реализовать потенциал каждого из участников данного процесса [Coldiron, 2015, p. 3–4]. В этом контексте коллаборация в переводе представляется как взаимодействие и сотрудничество между

различными участниками процесса, каждый из которых вносит свой вклад в формирование окончательного текста.

Давая характеристику переводчику, который выполняет свою работу в условиях коллаборации, Э. Кординли и С.Ф. Мэннинг фокусируются на реляционной парадигме, в рамках которой переводчик, по их мнению, уже не является просто закрепленным посредником между традиционными «бинарными противопоставлениями исходного текста / культуры и целевого текста / культуры», теперь он или она является активным звеном в развивающейся и динамичной сети. В процессе исследования авторы задаются несколькими весьма актуальными вопросами: когда несколько переводчиков работают вместе, увеличивается ли авторитет и статус переводчика? Делится ли данный авторитет в символическом, семантическом, юридическом или финансовом аспектах. Если переводчик уже страдает от недостаточного авторитета, увеличивается ли эта слабость из-за множественности переводчиков? [Collaborative Translation ..., 2017]. Переводоведы предлагают подходить к процессу перевода как к «созданию динамичного текста, над которым [переводчики] имеют лишь временную власть» [Collaborative Translation ..., 2017, p. 2], аргументируя это тем, что «потенциал коллаборативного перевода как критического концепта заключается не [только] в том, чтобы обратить внимание на различные роли, играемые участниками в процессе, но и в его способности усложнить наши представления о переводе» [Collaborative Translation ..., 2017, p. 24]. Соответственно, Э. Кординли и С.Ф. Мэннинг обсуждают концептуальные сложности, возникающие в связи с идеей «коллаборации», рассматриваемой в контексте переводческого процесса, предлагая «относительное определение» явления коллаборативного перевода. По их мнению, область совместного перевода, понимаемая как перечень практик, не поддается номинальному определению: эта область не неподвижный субстрат, она открыта и динамична, а статус любого отдельного мероприятия по совместному переводу в его уникальной ткани отношений постоянно меняется.

С другой стороны, реляционное / относительное определение совместного перевода дает возможность сосуществовать множественным определениям этого термина, развиваться в результате изменений в его элементах и отношениях между ними в данный момент. Номинальное определение выглядит следующим образом: совместный перевод / коллаборация в переводе, СП (совместный перевод) = a, b, c, d, тогда как реляционное определение описывает одну составляющую через ее отношения или отсутствие отношений с другими элементами и формы этих самых отношений. Таким образом, уникальность события перевода как факта выражается не в терминах монистических (СП = a) или дуалистических (СП = не (не СП)), а в реляционных терминах, где семантическое определение уникальности СП включает его отношение к внешнему миру и связанной с ним рефлексивности этого мира [Collaborative Translation ... , 2017, p. 3]. Способ, которым ученые историзируют и контекстуализируют дискурсы о коллаборации,

предлагает чрезвычайно полезное введение перевода как многоуровневого и итеративного процесса, находящегося в постоянном взаимодействии с технологиями и широкими культурными и языковыми экосистемами.

Показательный взгляд на коллективный характер перевода можно также уловить в фильме 2009 г. «Женщина с пятью слонами» режиссера В. Ендрейко, документальном фильме о почитаемом переводчике Ф.М. Достоевского Светлане Гайер (1923–2010), где показано, как помощь двух пожилых друзей, признанная, но не упомянутая, имеет решающее значение для процесса и результата перевода.

Существуют также случаи признанного сотрудничества / коллаборации, которые преувеличены, обязательны или используются для повышения известности. Коллективный литературный перевод как творческое устремление, которое способствует и стимулируется творческими стремлениями других, вызывает знакомые нам вопросы о том, кто что сделал и кто должен или не должен получить за это признание [Washbourne, 2016, p. 169].

Немаловажным будет отметить также, что до появления Интернета коллаборативный перевод обычно относился к переводам, выполненным и, как правило, подписанным более чем одним человеком. Если видимость переводчика была незаметной, то случаи объявленного сотрудничества были еще реже.

Современные сценарии коллаборации автора и переводчика художественного произведения охватывают широкий спектр взаимодействий, влияющих на успешность их сотрудничества и создающих основу для этого, обеспечивая высокое качество перевода и адекватное восприятие текста целевой аудиторией. В приведенной таблице ниже рассмотрим более подробно различные аспекты взаимодействия *переводчик – автор*.

Таблица 1

**Литературно-культурологические, переводческие, социальные
и этические аспекты сотрудничества между автором и переводчиком**

Литературно-культурологические аспекты		
Понимание культурного контекста	Переводчик должен глубоко понимать культурный контекст как оригинала, так и целевой аудитории. Это включает знание специфических культурных референсов, исторических событий, социальных норм и традиций.	Автор может предоставить разъяснения и дополнительные материалы, чтобы помочь переводчику лучше понять культурные нюансы текста. Автор может консультировать переводчика по вопросам стиля, поясняя свои намерения и подходы к написанию. Немаловажным будет отметить, что, несмотря на положительный подтекст возможности для переводчика напрямую уточнить у автора, так ли он перевел оригинал, случается, что процесс обмена мнениями и концепциями не всегда плодотворен и дружелюбен; не бывает продолжительным и часто, как это ни странно, оказывается разочарывающим [Hersant, 2017, p. 91].
Стилистическая адаптация	Сохранение стилистических особенностей оригинала важно для передачи авторского голоса. Переводчик должен работать над тем, чтобы стиль оригинала был адекватно передан в переводе.	

Переводческие аспекты		
Тесное сотрудничество	Регулярные обсуждения между автором и переводчиком помогают уточнить смысловые нюансы и разрешить возможные неоднозначности. Обсуждения могут проводиться через видеоконференции, электронную почту или мессенджеры. Стоит оговориться, что не всегда процесс взаимодействия автора и переводчика успешен и приятен. Так, к примеру, южноафриканский писатель и художник, одна из крупнейших фигур африканской культуры, Брейтен Брейтенбах, делясь опытом коллаборации в процессе работы над переводом одного из своих произведений, говорит, что невозможно работать с переводчиком, если есть личная неприязнь: «Я думаю, невозможно работать с переводчиком, если он тебе не нравится, если ты ненавидишь переводчика. Что и случилось со мной. У меня был переводчик, который переводил мои стихи на английский язык, и мы недолго проработали вместе; мы очень сильно спорили по весьма серьезным моментам, которые больше касались наших личных вопросов. Все это дошло до такой степени, что переводчик считал переведенное им мое произведение своей собственностью и не желал со мной соглашаться, я же никак не мог на него повлиять, мы спорили, и в конце концов нам пришлось остановить работу» [Breytenbach, 1994, с. 62].	
Креативная свобода переводчика	При креативной свободе переводчик адаптирует культурные референсы, делая их понятными целевой аудитории, и заменяет идиомы на эквиваленты на языке перевода. Он может менять стиль текста, чтобы он соответствовал ожиданиям читателей, и сглаживать культурные барьеры, сохраняя смысл оригинала. Переводчик также добавляет пояснения, чтобы объяснить контексты, и сохраняет ритм и мелодику в поэтических произведениях. Важно, чтобы автор был в курсе этих изменений и согласен с ними, что требует тесного сотрудничества. Таким образом, креативная свобода помогает создать перевод, который передает дух оригинала и подходит для целевой аудитории.	Автор должен быть готов дать переводчику некоторую степень свободы для адаптации текста, чтобы сделать его более доступным и естественным для целевой аудитории. Это требует доверия между автором и переводчиком и уважения к профессиональным навыкам последнего.
Социальные аспекты		
Репутация и доверие	Успешное сотрудничество требует взаимного доверия. Репутация переводчика в литературных кругах может играть значительную роль в выборе переводчика автором. Переводчик также должен быть уверен в авторе и его открытости к диалогу. Переводчик должен открыто и честно общаться с автором, регулярно предоставляя обратную связь о ходе работы. Переводчик демонстрирует компетентность и надежность, соблюдая оговоренные сроки и представляя примеры прошлых работ. Стремясь к долгосрочному сотрудничеству, он проявляет уважение к труду автора и работает над взаимным пониманием. Переводчик также учитывает общественные ожидания, обеспечивая культурную и социальную приемлемость перевода для целевой аудитории.	Автор должен обеспечивать открытое общение с переводчиком, предоставляя необходимые разъяснения о контексте текста. Он должен проявлять уважение к профессионализму переводчика, доверяя его навыкам и компетенции. Автор также должен предоставлять обратную связь по промежуточным версиям перевода и быть открытым для обсуждения различных аспектов перевода. Важно соблюдать договоренности и сроки сотрудничества, чтобы обеспечить успешное завершение проекта и качественный результат.

Продолжение таблицы 1

Общественные ожидания	Важным аспектом является восприятие перевода целевой аудиторией. Переводчик должен учитывать, как перевод будет восприниматься в культурном и социальном контексте целевой аудитории.	Автор может предоставлять информацию о своих намерениях и ожиданиях относительно восприятия текста
Этические аспекты		
Уважение авторских прав	Важно соблюдать авторские права и интеллектуальную собственность. Все изменения и адаптации текста должны быть согласованы с автором. Соглашения о правах и обязанностях сторон должны быть четко прописаны в контракте.	Автор должен быть готов согласиться на перевод своего произведения и предоставить текст для перевода. Он также должен соблюдать свои авторские права на перевод и установить четкие условия использования и распространения переведенной версии. Важно предоставить переводчику обратную связь по завершении работы и быть открытым для корректировок. Кроме того, автор должен ценить профессионализм и вклад переводчика
Этические принципы перевода	Переводчик должен соблюдать этические принципы, включая верность оригиналу и честность в передаче авторских намерений.	Автор должен быть готов к открытому диалогу и поддержке переводчика в сложных этических ситуациях, которые могут возникнуть в процессе перевода.
Условия успешного сотрудничества		
Четкие договоренности	Подробные и четкие договоренности между автором и переводчиком, включая график работы, этапы перевода, и критерии оценки качества. Важно также обсудить финансовые условия и права на произведение.	
Открытость и гибкость	Открытость к диалогу и готовность к обсуждению различных аспектов текста, включая культурные и стилистические. Гибкость в подходах к работе и готовность к компромиссам.	
Обратная связь	Регулярная обратная связь и обсуждение промежуточных результатов. Это помогает оперативно исправлять возможные ошибки и недоразумения. Автор и переводчик должны быть готовы к конструктивной критике и активному участию в процессе.	

Приведенная таблица демонстрирует, как различные аспекты взаимодействия между автором и переводчиком формируют основу для успешного художественного перевода. Литературно-культурологические, переводческие, социальные и этические аспекты описывают важные элементы этого сотрудничества, влияя на восприятие текста целевой аудиторией и качество перевода. Синтез этих аспектов и гибкость в их применении способствуют созданию прочной и продуктивной рабочей связи. На основе данной таблицы можно выделить ключевые выводы о влиянии каждого аспекта на процесс и результат коллаборации между переводчиком и автором.

Литературно-культурологические аспекты способствуют сохранению глубины и аутентичности перевода через глубокое понимание переводчиком культурного контекста оригинала. При этом требуется готовность автора разъяснять свои намерения и предоставлять материалы, что отражается на социально-этических аспектах – доверии и уважении к профессионализму.

Переводческие аспекты, такие как тесное взаимодействие и креативная свобода, предполагают гибкость переводчика и поддержку автора, что требует профессионального доверия, перекликаясь с социальными аспектами – репутацией и уважением к вкладу сторон.

Социальные аспекты, формируя условия для долгосрочного сотрудничества, акцентируют необходимость взаимного уважения и честной коммуникации, поскольку их отсутствие может вызывать конфликты. Учет общественных ожиданий переводчиком с поддержкой автора подчеркивает взаимосвязь социальных и литературно-культурологических аспектов.

Этические аспекты обеспечивают верность оригиналу и соблюдение правовых норм, что требует взаимного уважения и четких договоренностей, усиливает доверие и открытость сторон, что также влияет на переводческие и социальные аспекты.

Четкие договоренности, гибкость и регулярная обратная связь создают основу для эффективного взаимодействия, обеспечивая баланс между соблюдением авторских прав, креативной свободой и высокими культурными ожиданиями.

Таблица 2, представленная ниже, нацелена на исследование различных подходов переводчиков к сотрудничеству с авторами в контексте коллаборативного перевода, отражает их мнения и примеры взаимодействий. Это позволяет детально рассмотреть концептуальные, социальные и этические аспекты перевода, а также выявить вызовы и возможности, которые возникают в процессе коллаборации. Много примеров такого рода подходов к сотрудничеству мы находим в книге Е. Калашниковой «По-русски с любовью: беседы с переводчиками» [Калашникова, 2008]. Данные примеры помогают глубже понять, как личные взаимодействия между переводчиком и автором могут влиять на качество перевода и его восприятие в культурном контексте, что имеет важное значение для теории и практики перевода в современном обществе.

Исследование коллаборативного перевода подчеркивает значимость взаимодействия между автором и переводчиком, а также другими ключевыми участниками перевода, такими как редакторы, литературные агенты и другие специалисты. Рассмотренные концептуальные, социальные и этические аспекты указывают на то, что успешное сотрудничество в переводческом процессе требует внимательного подхода к культурно-стилистическим особенностям исходного текста и соблюдения нормативно-правовых и этических стандартов перевода, включая принципы верности и адекватности.

Подходы к сотрудничеству переводчиков с авторами

Переводчик	Подход к сотрудничеству с автором	Мнение / пример коллаборации
А. Богдановский	«Я не из тех, кто в трудном месте позвонит или напишет: “Что вы хотели тут сказать?..” Автор и так распространит перед тобой. Надо трактовать, интерпретировать, давать свою версию. И не робеть. Опять же кто-то из титанов заметил, что у переводчика солдатские добродетели: храбрость и скромность» [Калашникова, 2008, с. 90].	«Некоторое время назад в «Итогах» была интересная беседа Харитонова и Гольшера, они дружно сказали, что в натуре переводчика есть и что-то женское. С их точки зрения, переводчик впускает в себя автора, растворяется в нем. У меня ровно наоборот: для меня перевод скорее, если не насилие над автором, то некое внедрение в него. И уж точно – это борьба с ним. Но борьба – при полном соблюдении профессиональной этики» [Калашникова, 2008, с. 88].
Д. Волчек	«Проблемы советской школы понятны: переводчики путешествовать не могли, реалий не знали, доступа к справочной литературе у них не было, письма из-за границы шли месяцами, если вообще приходили. Теперь-то что, когда есть Интернет? Напиши автору, напиши биографу, покопайся в Сети» [Калашникова, 2008, с. 136].	«У Берроуза в “Дезинсекторе” есть такой невнятный сюжет про оползень в шахтерском городке в Уэльсе, легче всего сказать, что это «темное место», наркотическая галлюцинация, сон, бла-бла-бла. Я решил проверить ... и нашел, была громкая история в 1966 году – массовые наблюдения НЛО и пророческие сны у шахтеров в городке Аберфан, вскоре случился оползень, гора шлака завалила город, много погибших. Никакого темного места, достаточно короткого комментария. Лениться не надо, вот и все» [Калашникова, 2008, с. 136].
В. Вотрин	«... очень раздражает непомерная публичность. Авторы, кажется, забыли, что литература – дело темное, сродни алхимии. Что занятий ею вообще надо стыдиться, чтобы окружающие лучше относились. Поэтому мне всегда легче было с мертвыми. От них знаешь, чего ждать» [Калашникова, 2008, с. 147].	Таким образом, переводчик предпочитает уединенный подход, считая литературу интимным и почти мистическим процессом. Ему легче работать с текстами ушедших авторов, избегая публичности и непредсказуемости, связанных с взаимодействием с современными писателями.
П.М. Грушко	«Со многими из “любимых” [авторов] я имел счастье общаться, что тесно связало переводимые тексты сущностью авторов. Это, к примеру, те же Пабло Неруда, Хулио Кортасар, Октавио Пас, Элисео Диго, Хосе Хименес Лосано, а также Николас Гильен, Хосе Лесама Лима, Эльвио Ромеро, Хауард Немеров и другие [Калашникова, 2008, с. 179].	Неруда П.М. Грушко впервые услышал в 1954 году, а лично встретился с ним в 1967 году. Неруда подарил ему несколько книг и позже присылал свои издания. С Кортасаром он познакомился на симпозиуме в Турени, где обсуждал адаптацию его рассказа Антониони. Кортасар прислал письмо с одобрением его пьесы «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты». С Октавио Пасом он встретился в Мехико по своей инициативе, а с Элисео Диго – по его просьбе в Москве, где тот упомянул, что найти его посоветовал Файяд Хамис. В Гаване Элисео познакомил его с Лесамой Лимой. Хосе Хименесу Лосано, впечатлившему его своими рассказами, он позвонил из Мадрида, и тот приехал на встречу в Алькасарен [Калашникова, 2008, с. 179]. На вопрос, показывал ли П.М. Грушко свои переводы авторам, от отвечает, что «все в этих текстах мне было ясно. А вручил переводы, пока не опубликованные, Александру Кушнеру и Льву Лосеву, чтобы они показали их своим испаноязычным друзьям» [Калашникова, 2008, с. 180].

Переводчик	Подход к сотрудничеству с автором	Мнение / пример коллаборации
Н. Демурова	Первым переводом Н. Демуровой стал «Питер Пэн». Издательство «Детский мир» одобрило проект и выдало аванс, но вскоре лишилось права издавать иностранную литературу. В конце 1960-х, после публикации ее перевода «Алисы в Стране чудес» в Болгарии, «Детская литература» снова вернулась к «Питеру Пэну», требуя убрать сомнительные места. После отказа она обратилась к К.И. Чуковскому, который поддержал ее и написал в издательство.	Этот случай с переводом «Питера Пэна» Н. Демуровой иллюстрирует, как важна коллаборация переводчика с авторитетными фигурами в литературной сфере для продвижения и публикации перевода. Столкнувшись с требованиями издательства убрать «сомнительные места» из текста, переводчица обратилась за поддержкой к К.И. Чуковскому. Его вмешательство и письмо в издательство, где он с иронией защищал оригинальные элементы книги, убедили редакцию смягчить требования. Благодаря этой коллаборации
Н. Демурова	В итоге книга вышла с минимальными правками [Калашникова, 2008, с. 200].	перевод вышел с минимальными правками, сохранив дух оригинала, что стало важным шагом для успешной публикации [Калашникова, 2008, с. 200].

Особое внимание следует уделить установлению доверительных и профессиональных отношений между автором и переводчиком, что является основой для обеспечения гибкости и взаимопонимания в процессе перевода. Важно, чтобы обе стороны – автор и переводчик – демонстрировали готовность к открытому диалогу, взаимному уважению и консенсусу, что способствует созданию перевода, максимально отражающего авторский замысел и культурный контекст произведения. Такой подход позволяет достичь высокой степени адекватности перевода, учитывая как текстовые, так и культурно-исторические особенности.

Подход «исполнитель – сообщество», предложенный в статье, позволяет учитывать многообразие ролей и интересов различных участников перевода, что способствует определению структуры ответственности и взаимодействия, необходимых для достижения высокого качества перевода. Такой концептуальный подход учитывает взаимодействие между авторами, переводчиками, редакторами, учеными, издателями и читательской аудиторией, что способствует созданию модели коллаборации, основанной на равноправном и взаимовыгодном партнерстве. Организация этих отношений с учетом всех заинтересованных сторон является необходимым условием для формирования устойчивой и эффективной модели сотрудничества, что, в свою очередь, способствует формированию качественно, адекватного и культурно-чувствительного перевода.

Список литературы

- Калашникова Е. По-русски с любовью: беседы с переводчиками. – Москва : Новое литературное обозрение, 2008. – 608 с.
- Breytenbach B. Le Rapports de travail traducteurs-auteurs. Table ronde animée par Martine Segonds-Bauer avec Jean Guiloineau et Breyten Breytenbach (anglais – Afrique du Sud), Nadine Stabile et Adriaan Van Dis (néerlandais) // Dixièmes assises de la traduction littéraire (Arles 1993) / ed. by M. Segonds-Bauer, K. Wackers, R. Lambrechts. – Arles : Atlas / Actes Sud, 1994. – P. 39–71.

- Coldiron A.E.B. *Printers Without Borders: Translation and Textuality in the Renaissance*. – Cambridge : Cambridge University press, 2015. – 356 p.
- Collaborative Translation: From the Renaissance to the Digital Age / Cordingley A., Manning C. Frigau (eds). – London : Bloomsbury Academic, 2017. – 260 p. – URL: <http://dx.doi.org/10.5040/9781350006034.0004>
- Hersant P. *Author-Translator Collaborations: A Typological Survey // Collaborative Translation From the Renaissance to the Digital Age / ed. by A. Cordingley, C. Frigau Manning*. – London ; New York : Bloomsbury Publishing, 2017. – P. 91–110.
- Konca I. Translation as “Transcreation” through Author-Translator Collaboration: The Case of the Collaborative Work of G.C. Infante and S.J. Levine // *Istanbul University Journal of Translation Studies*. – Istanbul : Istanbul University Press, 2022. – № 17. – P. 79–93. DOI <https://doi.org/10.26650/iujts.2022.1163320>
- Pym A. Translation Research Terms: A Tentative Glossary for Moments of Perplexity and Dispute // *Translation Research Projects 3 / ed. by A. Pym*. – Tarragona : Intercultural Studies Group, 2011. – P. 75–110. – URL: http://isg.urv.es/publicity/isg/publications/trp_3_2011/pym.pdf (accessed: 20 March 2023).
- Shillingsburg P. *Textuality and Knowledge: Essays (Penn State Series in the History of the Book)*. – 1st Edition. – Centre County : Penn State University Press, 2017. – 240 p.
- Washbourne K. *Revised Translations: Strategic Rationales and the Intricacies of Authorship // Translation and Literature*. – 2016. – Vol. 25, Issue 2. – P.151–170.

References

- Kalashnikova Ye. *In Russian with Love: Conversations with Translators*. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye, 2008. 608 p. (In Russian)
- Breytenbach B. *Le Rapports de travail traducteurs-auteurs*. Table ronde animée par Martine Segonds-Bauer avec Jean Guiloineau et Breyten Breytenbach (an-glais – Afrique du Sud), Nadine Stabile et Adriaan Van Dis (néerlandais). In: *Dixièmes assises de la traduction littéraire (Arles 1993) / ed. by M. Segonds-Bauer, K. Wackers, and R. Lambrechts*. Arles: Atlas/Actes Sud, 1994. P. 39–71.
- Coldiron A.E.B. *Printers without Borders: Translation and Textuality in the Renaissance*. Cambridge: Cambridge University press, 2015. 356 p.
- Cordingley A., Manning C. Frigau (Eds.). *Collaborative Translation: From the Renaissance to the Digital Age*. London: Bloomsbury Academic, 2017. 260 p. <http://dx.doi.org/10.5040/9781350006034.0004>
- Hersant P. *Author-Translator Collaborations: a Typological Survey*. In: *Collaborative Translation From the Renaissance to the Digital Age / A. Cordingley, C. Frigau Manning (eds)*. London; New York: Bloomsbury Publishing, 2017. P.91–110.
- Konca I. Translation as “Transcreation” through Author-Translator Collaboration: The Case of the Collaborative Work of G.C. Infante and S.J. Levine. In: *Istanbul University Journal of Translation Studies*. Istanbul: Istanbul University Press. 2022. № 17. Pp. 79–93. DOI: <https://doi.org/10.26650/iujts.2022.1163320>
- Pym A. *Translation Research Terms: A Tentative Glossary for Moments of Perplexity and Dispute*. In: *Translation Research Projects 3 / ed. by A. Pym*. Tarragona : Intercultural Studies Group, 2011. Pp. 75–110. URL: http://isg.urv.es/publicity/isg/publications/trp_3_2011/pym.pdf (accessed: 20 March 2023).
- Shillingsburg P. *Textuality and Knowledge: Essays (Penn State Series in the History of the Book)*. 1st Edition. Centre County: Penn State University Press, 2017. 240 p.
- Washbourne K. *Revised Translations: Strategic Rationales and the Intricacies of Authorship*. In: *Translation and Literature*. 2016. Vol. 25, Issue 2. Pp.151–170.

СДОБНИКОВ В.В.*
СУДЕБНЫЙ ПЕРЕВОД
КАК ВИД СОЦИАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА

Аннотация. В статье рассматриваются характеристики судебного перевода как особого вида переводческой деятельности и делается вывод, что судебный перевод следует рассматривать как разновидность социального перевода. Судебный перевод обладает такими же особенностями, что и прочие виды социального перевода, а именно: неравноправное социальное положение коммуникантов, неодинаковый объем знаний коммуникантов о предметной области, более активное речевое поведение переводчика в ситуации судебного / социального перевода по сравнению с ситуацией конференц-перевода, особая роль межкультурных различий. Вместе с тем судебный перевод имеет специфические черты, отличающие его от других видов социального перевода: судебный переводчик – это всегда профессионал, обладающий необходимыми компетенциями; в ситуации судебного перевода возможно осуществление квалифицированной оценки качества перевода.

Ключевые слова: судебный перевод; социальный перевод; оценка перевода; конференц-перевод; квалификация.

Для цитирования: Сдобников В.В. Судебный перевод как вид социального перевода // Актуальные вопросы теории и практики перевода. – 2025. – № 1. – С. 48–59. – DOI: 10.31249/perevod/2025.01.05

* Сдобников Вадим Витальевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода Высшей школы перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова; Sdobnik@lunn.ru

© Сдобников В.В., 2025

SDOBNIKOV V.V.*

COURT INTERPRETING AS A PECULIAR TYPE OF COMMUNITY INTERPRETING

Abstract. The paper discusses characteristics of court interpreting as a peculiar type of translation activity and concludes that court interpreting must be viewed as a special type of community interpreting. Court interpreting and other types of community interpreting have the same features, specifically: social inequality of the participants of communication, their different knowledge of the specifics of the subject matter and the topical area as a whole, greater activity of the interpreter in the situation of court interpreting as compared to the situation of conference interpreting, the more important role of differences between cultures. At the same time, court interpreting has some peculiarities and, thus, differs from other types of community interpreting: court interpreter is always a professional possessing required competences; translation quality assessment can be made in the situation of court interpreting.

Keywords: court interpreting; community interpreting; translation assessment; conference interpreting; competence.

For citation: Sdobnikov V.V. Court Interpreting as a Peculiar Type of Community Interpreting // Current Issues of Translation Theory and Practice. – 2025. – N 1. – P. 48–59. DOI: 10.31249/perevod/2025.01.05

Введение

В настоящее время мы наблюдаем значительное расширение переводческой деятельности за счет относительно новых видов перевода, в частности социального перевода (СП) (англ. *community interpreting*), или перевода в социальной сфере. Его широкое распространение обусловлено интенсификацией миграционных процессов и, соответственно, бóльшим разнообразием этнического состава многих государств. Данное явление привело к тому, что межъязыковая коммуникация стала осуществляться не только в области межгосударственных отношений или дипломатии, в профессиональной экономической, научно-технической сферах, в области культуры или спорта, но и в других сферах институционального дискурса, в ситуациях, которые М.Б. Раренко называет социально осложненными [Раренко, 2018; Раренко, 2023; Раренко, 2024]. Социальная «осложненность» подобных ситуаций, по нашему мнению, обусловлена тем, что разноязычные коммуниканты имеют неодинаковый социальный статус. Таким образом, мы разделяем точку зрения М.Б. Раренко, которая пишет, что социальный перевод используется тогда, «когда происходит общение между представителями разных национальных сообществ, использую-

* **Sdobnikov Vadim Vitalievich** – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English and Translation Theory and Practice, Linguistics University of Nizhny Novgorod; Sdobnik@lunn.ru

© Sdobnikov V.V., 2025

щих для общения не только разные языки, но и занимающих в обществе разные социальные страты» [Раренко, 2023, с. 725]. Цель настоящей статьи – показать, что судебный перевод является одним из видов социального перевода, раскрыть особенности судебного перевода, объединяющие его с прочими видами социального перевода. Однако прежде необходимо уточнить определение социального перевода, сферы его применения и его основные характеристики.

Социальный перевод: уточнение понятия

Исследование социального перевода в западном переводоведении имеет более давнюю историю, чем в России, что вполне закономерно: западное сообщество значительно раньше столкнулось с интенсификацией миграционных потоков и, соответственно, переводоведы раньше обратили внимание на специфику этого нового для них вида переводческой деятельности. Одной из первых, если не первой, в отечественном переводоведении теоретической работой, посвященной социальному переводу, можно считать небольшую статью В.Н. Комиссарова «Перевод в социально-бытовом контексте: постановка проблемы» [Комиссаров, 2001], в которой автор, вероятно, опираясь на уже имеющиеся в зарубежном переводоведении исследования социального перевода, определил его основные характеристики. Показательно само название этой работы. Во-первых, В.Н. Комиссаров прямо указывает: сама проблема еще не стала объектом пристального изучения переводоведов. Во-вторых, привлекает внимание название интересующего вида перевода: автор, несомненно, знакомый с английским термином *community interpreting*, избежал использования неуклюжего и вводящего в заблуждение словосочетания «коммунальный перевод», хотя оно и встречается в более поздних работах российских переводоведов (см., например: [Алексеева, 2004]).

Предваряя перечень особенностей социального перевода, В.Н. Комиссаров поясняет, кто же выступает в качестве субъектов общения в социальной сфере. Это иностранные рабочие, беженцы, вынужденные переселенцы и другие мигранты, которые часто незнакомы с языком чужой страны, ее законами и обычаями. Интерес представляет и перечисление ситуаций, в которых оказываются иностранцы и в которых, соответственно, требуется перевод: «Они общаются с агентами по найму, работодателями и домовладельцами, заказывают переводы своих документов и заверяют их у нотариуса, обращаются за медицинской помощью, участвуют в судебных заседаниях, подписывают контракты, сталкиваются с представителями правоохранительных органов и т.п.» [Комиссаров, 2001, с. 8]. Таким образом, в разнообразных ситуациях социального перевода сталкиваются представители языкового и культурного меньшинства (например, иностранные рабочие) и представители языкового большинства – сотрудники государ-

ственных, медицинских, судебных, правоохранительных и других органов и организаций. Это дает некоторым исследователям возможность рассматривать данный вид дискурса как гибридный, «ибо он манифестируется в сочетании с другими дискурсами: медиа-, политическим, медицинским, юридическим, административным и так далее» [Мошанская, 2019, с. 98].

В.Н. Комиссаров обращает внимание на следующие особенности перевода в социально-бытовом контексте (т.е. социального перевода).

1. «В качестве языковых посредников нередко выступают не профессиональные переводчики, а более или менее случайные лица, в разной степени владеющие как иностранным, так и родным языком и неодинаково ориентирующиеся в ситуации общения и предмете разговора» [Комиссаров, 2001, с. 9].

2. Требования к точности перевода зависят от ситуации общения; например, «необходимая точность может потребоваться и в устном переводе, когда на его основе принимаются жизненно-важные решения. Примером может служить работа переводчика в суде» [Комиссаров, там же].

3. Отсутствие какого-либо редактирования или другого способа квалифицированной оценки качества текста, который создается в самых разных конкретных обстоятельствах межъязыкового общения [Комиссаров, 2001, с. 10].

4. Неравноправное положение участников межъязыковой коммуникации.

5. Специфичность действий переводчика и всей коммуникативной ситуации: переводчику часто приходится «выходить за рамки собственно переводческой деятельности, вмешиваться в обсуждение, задавать вопросы» [Комиссаров, 2001, с. 11].

Несколько иной подход к определению характеристик коммуникативных ситуаций социального перевода используют К. Кару и Р.Э. Романчик [Кару, Романчик, 2013]. Они опираются на группы признаков, используемых для разработки типологии вербальных коммуникативных актов. На этой основе они выделяют следующие характеристики коммуникативных актов с использованием социального перевода: специфичная сфера общения и высокий социальный статус места осуществления коммуникативного акта; различный когнитивный потенциал участников общения; различный социальный статус коммуникантов; различная степень активности коммуникантов (один из них, например, судья или следователь, играет роль инициатора и координатора коммуникации); эмоциональное напряжение одного из коммуникантов (например, подозреваемого); специфичность совместного практического акта (допрос, опрос, опознание, следственный эксперимент); различия в стратегических практических целях коммуникантов в рамках коммуникативного акта; зависимость стилистического спектра коммуникативных тактик от профессионального статуса коммуникантов [Кару, Романчик, 2013, с. 116–117]. Авторы приходят к выводу, что коммуникативный акт с использованием социального перевода «является процессуально строго

регламентированным специфическим интрапрофессиональным диалогическим коммуникативным актом, характеризующимся резкой профессиональной, социально-статусной, психологической, мотивационной, активной, языковой асимметрией, протекающим в условиях устойчивого единства типа совместного практического акта, места и времени его осуществления» [Кару, Романчик, 2013, с. 117].

Независимо от теоретического подхода к определению специфики социального перевода, учет всей совокупности его характеристик дает возможность преодолеть некоторую неопределенность в установлении статуса это вида перевода и его состава, возникшую в связи с тем, что СП часто определяется через сферу его применения, а эти сферы, как мы видим, весьма разнообразны. Вопрос, какие ситуации относятся к ситуациям социального перевода, остается спорным. Так, мы не можем согласиться с утверждением М.Б. Раренко, что примерами социального перевода могут быть аудиовизуальный перевод для людей с ограниченными возможностями зрения (тифлокомментирование и аудиодескрипция), а также сурдоперевод для людей с ограниченным и возможностями слуха и его разновидностями – жестовый язык и субтитры [Раренко, 2018, с. 166; Раренко, 2021, с. 144; Раренко, 2024, с. 98]. Очевидно, что ситуации аудиовизуального перевода и сурдоперевода лишены многих отмеченных выше характеристик. Прежде всего, нельзя утверждать, что у коммуникантов неодинаковый социальный статус, если под социальным статусом понимать положение человека в обществе и в конкретной ситуации общения: незрячий человек, воспринимающий аудиовизуальное произведение с тифлокомментированием, не чувствует себя социально уязвленным в этой ситуации, точно так же, как он не чувствует себя социально уязвленным в других жизненных ситуациях. Что касается сурдоперевода, то вспоминается выступление преподавателя жестового языка на одной из конференций в МГЛУ, причем это было выступление именно на жестовом языке и в переводе на понятный аудитории русский язык. Выступавший, несомненно, чувствовал себя в качестве равноправного участника конференции, как и в любых других ситуациях. Следует подчеркнуть, что ситуации с использованием аудиовизуального перевода или жестового языка прямо противоположны по своему характеру ситуациям социального перевода: представитель языкового меньшинства приобретает более низкий социальный статус, попадая именно в ситуации социального перевода, в то время как в ситуациях с использованием аудиовизуального перевода или жестового языка переводчик, наоборот, помогает представителю языкового меньшинства утвердить свое равноправие. Более того, люди с ограничениями по зрению или слуху, как правило, настаивают на том, что они ничем не отличаются от других людей.

Судебный перевод как особый вид социального перевода

Рассматривая судебный перевод как особый вид социального перевода, мы имеем в виду следующее: 1) судебный перевод обладает всеми характеристиками, присущими социальному переводу вообще; 2) определенные характеристики судебного перевода тем не менее отчасти специфичны, то есть обретают определенную форму под воздействием самой коммуникативной ситуации осуществления судебного перевода.

Вновь обратимся к перечням особенностей социального перевода, представленным в работах В.Н. Комиссарова и К. Кару и Р.Э. Романчик (см. выше). В.Н. Комиссаров отмечает, что в качестве языковых посредников в ситуации социального перевода могут выступать непрофессионалы. Очевидно, что это положение не относится к ситуации судебного перевода, в которой профессионализм языкового посредника – неременное требование. Другими словами, человек, выступающий в качестве переводчика в ходе судебного заседания или следствия, должен обладать развитыми навыками осуществления устного и письменного перевода и должен владеть языками, используемыми в ходе судебно-переводческой деятельности, на высоком уровне. Последнее требование заложено в нормативных актах, в частности, в статье 18 Уголовно-процессуального кодекса РФ [Уголовно-процессуальный кодекс, электронный ресурс]. В юридических и переводоведческих исследованиях, посвященных судебному переводу, это требование упоминается неоднократно. В частности, Ю.В. Ахметшина отмечает, что «на этапе привлечения переводчика данный орган должен быть принципиальным по отношению к языковеду, по возможности *обязан оценить уровень его компетентности и адекватность процесса его перевода реальям* (курсив мой. – В.С.)» [Ахметшина, 2021, с. 523]. Исследователи также рассматривают практические способы определения профессиональной компетентности переводчика, прежде всего уровня его языковой компетенции, используемые судьями и правоохранителями [Ларин, Обидина, 2020, с. 11]. Мы оставляем без рассмотрения вопрос о способах привлечения переводчика в процесс как не имеющий отношения к нашей основной теме.

Второе положение, высказанное В.Н. Комиссаровым, касается точности перевода и ее зависимости от специфики коммуникативной ситуации. Представляется, что в ситуации судебного перевода точность должна быть максимальной уже потому, что на основе перевода принимаются, как пишет В.Н. Комиссаров, «жизненно важные решения». Другое дело, что само представление о том, какой перевод считать точным, может различаться и у разных людей, и в разных правовых системах. Ранее мы уже писали, что те, кто пользуется услугами переводчиков (а это и юристы), «руководствовались довольно наивными, непрофессиональными представлениями о роли и назначении переводчика, о выполняемых им функциях. Подобные представления можно даже назвать обывательскими,

настолько наивны они были (и остаются до сих пор). В основе лежит убеждение в том, что перевод хорош, если переводчик воспроизвел максимально точно содержание высказывания, а также его форму вплоть до сохранения синтаксической структуры и стилистической окраски лексических единиц» [Сдобников, 2019, с. 296]. По нашему мнению, именно это представление о переводе было закреплено в руководствах для судебных переводчиков, принятых за рубежом. Холли Миккелсон приводит следующую цитату из «Примерного кодекса профессиональной ответственности судебных переводчиков», разработанного Национальным центром судов штатов США: «Переводчики должны обеспечивать полный и точный перевод или сурдоперевод без изменений, опущений и добавлений к тому, что было сказано или написано, а также без внесения пояснений» (перевод мой. – В.С.) [Mikkelson, 2008, p. 82]. «Профессиональный стандарт и этический кодекс судебных переводчиков штата Калифорния» запрещает переводчикам хоть как-то сглаживать речь участника судебного заседания: «Вы не должны добавлять или опускать какие-либо слова для достижения ясности или осмысленности речи. Так, если свидетель на своем языке говорит: “Я...я...я не видел этого”, вы должны воспроизвести его колебания, по возможности включив в перевод повторяющиеся слова, вместо того чтобы просто перевести: “Я этого не видел”» (перевод мой. – В.С.) [Professional Standards].

Мы утверждаем, что неряшливость речи, например, подсудимого, дотошно воспроизведенная переводчиком, будет не способствовать, а препятствовать пониманию смысла того, что было произнесено, как, впрочем, препятствует этому любое нарушение норм и узуса языка. Правда, существует мнение, что всякого рода узуальные и стилистические нарушения в речи подсудимого дают возможность судье составить не только его речевой, но и социальный, личностный портрет. Но и это спорный вопрос. Если исходить из того, что роль судьи – установить истину и степень виновности подсудимого, то можно ли допустить, что человек, плохо говорящий на своем языке и входящий в какую-то маргинальную группу, более виновен в совершении преступления, чем высокообразованный человек, совершивший аналогичное преступление, но говорящий гладко и уверенно? Вряд ли. Следовательно, по нашему мнению, задача судебного переводчика – точно воспроизвести содержание речи, а точнее, коммуникативно релевантные элементы информации, соблюдая нормы и узус переводящего языка. Так, Л.Б. Обидина пишет: «Например, в ходе допроса потерпевшего, подвергнувшегося разбойному нападению, переводчик осознает важность установления для расследования как можно более точных примет личности нападавшего преступника, а в процессе допроса обвиняемого для переводчика очевидной является задача обеспечить такое общение между допрашиваемым и следователем, при котором будет достигнут определенный коммуникативной эффект» [Обидина, 2017, с. 518]. Этим он

только облегчит задачу и судьи, и подсудимого, и других участников судебного процесса.

Третья особенность социального перевода, отмеченная В.Н. Комиссаровым, – отсутствие редактирования или квалифицированной оценки качества перевода. В настоящее время наблюдаются отклонения и от этой закономерности. Е.В. Масловская, в частности, отмечает «использование правоприменителями своего рода рецензирования – следователи обращаются к тем переводчикам, квалификации которых доверяют, с просьбой посмотреть и оценить перевод документов, выполненный другими коллегами» [Масловская, 2022, с. 599]. По всей видимости, именно в судах, где выполняются как устные, так и письменные переводы, квалифицированная оценка качества перевода только и может осуществляться. В других ситуациях социального перевода это вряд ли возможно.

Неравноправное положение коммуникантов, отмечаемое В.Н. Комиссаровым и другими исследователями [Corsellis, 2008; Roy, 2000] как характеристика ситуации социального перевода, вряд ли нуждается в комментарии. В этом отношении судебный перевод, если так можно сказать, еще более *социальный* перевод, чем другие виды социального перевода.

Неравноправие коммуникантов в ситуации судебного перевода проявляется не только в занимаемом ими социальном положении, но и в степени вовлеченности в юридическую сферу. Другими словами, разноязычные коммуниканты обладают разным объемом знаний о данной предметной области, что характерно для социального перевода вообще. Энн Корселлис вполне справедливо указывает на то, что «пациент не имеет такого же объема знаний о медицине, каким обладает врач, простой человек вряд ли знает о законодательстве столько же, сколько юрист, за консультацией к которому он обратился, а родители, пришедшие в школу, чтобы поговорить с учителем, могут не знать многого о системе образования в данной стране» (перевод мой. – В.С.) [Corsellis, 2008, p. 29]. Очевидно, что, например, подсудимый или свидетель, представляющие языковое меньшинство, не обладают таким же объемом знаний о законодательстве, каким обладают судья, прокурор или адвокат. Это обстоятельство тоже особым образом влияет и на процесс коммуникации, и на способ выполнения переводчиком его функций.

Значительный интерес представляет следующая особенность социального перевода – специфичность действий переводчика, которому часто приходится выходить за рамки осуществления собственно переводческой деятельности, по крайней мере, в ее традиционном понимании. В ходе судебного заседания переводчик играет более активную роль, чем при осуществлении конференц-перевода: он может переспрашивать подсудимого, пытаясь точно понять смысл его ремарок, может разъяснять подсудимому определенные положения нормативных актов, если того хочет судья, может разъяснять судье особенности поведения (как речевого, так и неречевого) подсудимого, обусловленные национально-культурной принадлеж-

ностью последнего [Стародубов, 2024, с. 95–99]. На основании этого С.В. Стародубов делает вывод, что «переводчик – это особый, но в любом случае полноправный участник судебного процесса» [Стародубов, 2022, с. 55], а В.Н. Комиссаров, рассматривая специфику социального перевода, пишет, что «переводчик оказывается центральной фигурой в коммуникативном процессе» [Комиссаров, 2001, с. 11]. Можно даже говорить о том, что судебный переводчик выполняет особые функции, к числу которых Сандра Хейл относит следующие: переводчик оказывает помощь представителю языкового меньшинства с тем, чтобы тот мог наилучшим образом представить свое дело; переводчик обеспечивает успешную коммуникацию между представителями государственных органов и представителем языкового меньшинства [Hale, 2008, p. 102]. Несомненно, подобный статус и функциональная нагрузка судебного переводчика определяет специфику социального перевода вообще и судебного перевода в частности.

Заключение

Наш краткий обзор в очередной раз убеждает в том, что социальный перевод существенно отличается от конференц-перевода или видов письменного перевода, а судебный перевод обладает характеристиками, которые позволяют относить его к социальному переводу, но в то же время имеет свою специфику, отличающую его от других видов социального перевода.

С прочими видами социального перевода судебный перевод роднит неравноправный статус разноязычных коммуникантов и неодинаковое владение ими предметной областью, осуществление переводчиком речевых действий, выходящих за рамки собственно переводческой деятельности, особо важная роль межкультурных различий. К отличиям судебного перевода от других видов социального перевода относятся профессионализм судебного переводчика, то есть неременное наличие у него необходимых компетенций, а также возможность осуществления квалифицированной оценки перевода в ситуации судебного перевода.

Указанные характеристики судебного перевода свидетельствуют об особом статусе этого вида переводческой деятельности среди других видов перевода. Интерес представляет тот факт, что особая роль судебного переводчика и допустимость выполнения им особых функций часто не осознается представителями юридического сообщества, из чего следует необходимость более тесного взаимодействия переводчиков и переводоведов с одной стороны и представителей юридического сообщества с другой ради обеспечения более полного взаимопонимания переводчиков и тех, кто пользуется их услугами, повышения эффективности их взаимодействия.

Список литературы

- Алексеева И.С.* Введение в переводоведение. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ ; Москва : Академия, 2004. – 352 с.
- Ахметшина Ю.В.* Проблема привлечения переводчика в процесс досудебного и судебного разбирательства // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 2 (87). – С. 522–524.
- Кару К., Романчик Р.Э.* Конфликт когнитивных установок в ситуации социального перевода // Индустрия перевода. – 2013. – № 1. – С. 115–128.
- Комиссаров В.Н.* Перевод в социально-бытовом контексте: постановка проблемы // Перевод в современном мире: сборник статей. – Москва : Всероссийский центр переводов, 2001. – С. 8–11.
- Ларин А.А., Обидина Л.Б.* Правовое регулирование судебного перевода в России и ЕС: общие проблемы и пути решения // Законность и правопорядок. – 2020. – № 1 (25). – С. 10–14.
- Масловская Е.В.* Поле судебного перевода: организационные структуры и формы капитала // Вестник РУДН. Серия Социология. – 2022. – Т. 22, № 3. – С. 590–604.
- Моцанская Е.Ю., Дружинина М.В.* Устный перевод в ходе процедуры признания беженцем // Миграционная лингвистика. – 2019. – № 1. – С. 97–104.
- Обидина Л.Б.* Кому служит переводчик в суде? // Юридическая техника. – 2017. – № 11. – С. 517–521.
- Раренко М.Б.* «Community interpreting» vs «социальный перевод» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – № 2 (791). – С. 160–168.
- Раренко М.Б.* Речевые практики дискурса социальной гармонии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2021. – Вып. 6 (848). – С. 139–147.
- Раренко М.Б.* Социальный перевод как объект исследования миграционной лингвистики // Новый мир. Новый язык. Новое мышление : сборник трудов VI международной научно-практической конференции «Новый мир. Новый язык. Новое мышление». – Москва : Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2023. – С. 723–727.
- Раренко М.Б.* Социальный перевод как новый вид перевода // Грани языка. Грани текста. Грани перевода : тезисы докладов Международной конференции к 100-летию со дня рождения А.Д. Швейцера. – Москва : МГЛУ, 2024. – С. 98–99.
- Сдобников В.В.* Роль переводчика в ситуации социального перевода // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации : материалы докладов XI-й Всероссийской конференции, посвященной 110-летию СГУ имени Н.Г. Чернышевского. – Саратов : Саратовский источник, 2019. – С. 294–302.
- Стародубов С.В.* Специфика коммуникативной ситуации судебного перевода // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2022. – Вып. 2 (58). – С. 37–62.
- Стародубов С.В.* Коммуникативная ситуация судебного перевода: собственно лингвистические и прагматические аспекты : дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2024. – 163 с.
- Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : от 18.12.2001 N 174-ФЗ (в редакции от 08.12.2020 с изменениями и дополнениями, вступил в силу с 19.12.2020) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
- Corsellis A.* Public Service Interpreting: The First Steps. – Palgrave Macmillan, 2008. – 186 p.
- Hale S.* Controversies over the Role of Court Interpreter // Crossing Borders in Community Interpreting. Definitions and Dilemmas / Ed. by Carmen Valero-Garcés, Anne Martin. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2008. – 291 p.
- Mikkelsen H.* Evolving Views of the Court Interpreter's Role: Between Scylla and Charybdis // Crossing Borders in Community Interpreting: Definitions and Dilemmas / Ed. by Carmen Valero-

- Garcés, Anne Martin. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2008. – P. 82–97.
- Professional Standards and Ethics for California Court Interpreters [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.courts.ca.gov/documents/CIP-Ethics-Manual.pdf>
- Roy C.B. *Interpreting as a Discourse Process*. – New York ; Oxford : Oxford University Press, 2000. – 141 p.

References

- Alekseeva I.S. *Introduction into Translation Studies*. Saint-Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; Moscow: Izdatel'skij centr "Akademiya", 2004. 352 p. (In Russian)
- Ahmetshina Yu.V. *The problem of interpreter proceeding in the pre-hearing discovery and trial*. In: *The World of Science, Culture, Education*. 2021. N 2(87). Pp. 522–524. (In Russian)
- Karu K., Romancik R.E. *The Conflict of Cognitive Attitudes in the Community Interpreting Situation*. In: *Translation Industry*. 2013. N 1. Pp. 115–128. (In Russian)
- Komissarov V.N. *Translation in Community Environment: Problem Statement*. In: *Translation in the Modern World*: Coll. works. Moscow: Vserossijskij centr perevodov, 2001. Pp. 8–11. (In Russian)
- Larin A.A., Obidina L.B. *Legal Regulation of Court Interpreting in Russia and EU: Common Problems and Solutions*. In: *Law and Public Order*. 2020. N 1(25). Pp. 10–14. (In Russian)
- Maslovskaya E.V. *The Field of Court Interpreting: Organizational Structures and Forms of Capital*. In: *Bulletin of Russian University of Peoples Friendship*. Series: Sociology. Vol. 22, N 3. Pp. 590–604. (In Russian)
- Moshchanskaya E.Yu., Druzhinina M.V. *Interpreting in Refugee Recognition Procedure*. In: *Migration Linguistics*. 2019. N 1. Pp. 97–104. (In Russian)
- Obidina L.B. *Who does the Court Interpreter Serve?* In: *Legal Engineering*. 2017. N 11. Pp. 517–521. (In Russian)
- Rarenko M.B. *Community Interpreting vs Social Translation (Interpreting)*. In: *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2018. N 2 (791). Pp. 160–168. (In Russian)
- Rarenko M.B. *Speech Practices of Social Harmony Discourse*. In: *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2021. Issue 6 (848). Pp. 139–147. (In Russian)
- Rarenko M.B. *Community Interpreting as a Target of Research in Migration Linguistics*. In: *New World. New Thinking. New Language*. Moscow: Diplomaticeskaya akademiya Ministerstva inostrannyh del Rossijskoj Federacii, 2023. Pp. 723–727. (In Russian)
- Rarenko M.B. *Community Interpreting as a New Type of Translation*. In: *Facets of Language. Facets of Text. Facets of Translation: Conference Abstracts*. Moscow: MGLU, 2024. Pp. 98–99. (In Russian)
- Sdobnikov V.V. *Interpreter's Role in the Situation of Community Interpreting*. In: *Foreign Languages in the Context of Intercultural Communication*. Saratov: Saratovskij istochnik, 2019. Pp. 294–302. (In Russian)
- Starodubov S.V. *The Specifics of the Communicative Situation of Court Interpreting*. In: *Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin*. 2022. Issue 2 (58). Pp. 37–62. (In Russian)
- Starodubov S.V. *The Communicative Situation of Court Interpreting: Purely Linguistic and Pragmatic Aspects*. Nizhnij Novgorod, 2024. 163 p. (In Russian)
- Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as of December 18, 2001*, No 1744-FZ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (accessed: 12.10.2024). (In Russian)
- Corseilis A. *Public Service Interpreting: The First Steps*. Palgrave Macmillan, 2008. 186 p.
- Hale S. *Controversies over the Role of Court Interpreter*. In: *Crossing Borders in Community Interpreting: Definitions and Dilemmas* / Ed. by Carmen Valero-Garcés and Anne Martin. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008. 291 p.

- Mikkelsen H. *Evolving Views of the Court Interpreter's Role: Between Scylla and Charybdis*. In: *Crossing Borders in Community Interpreting: Definitions and Dilemmas* / Ed. by Carmen Valero-Garcés and Anne Martin. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008. Pp. 82–97.
- Professional Standards and Ethics for California Court Interpreters*. – URL: <https://www.courts.ca.gov/documents/CIP-Ethics-Manual.pdf> (accessed: 13.10.2024).
- Roy C.B. *Interpreting as a Discourse Process*. New York; Oxford: Oxford University Press, 2000. 141 p.

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

DOI: 10.31249/perevod/2025.01.06

РАРЕНКО М.Б.*

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ: ВЛАДИМИР НАБОКОВ:
ПИСАТЕЛЬ И ПЕРЕВОДЧИК: КОЛЛЕКТИВНАЯ
МОНОГРАФИЯ / ПОД ОБЩ. РЕД. Н.М. НЕСТЕРОВОЙ
И Е.А. КНЯЖЕВОЙ. – МОСКВА: ФЛИНТА, 2023. – 172 с.**

Аннотация. Рецензируемая коллективная монография, в работе над которой приняли участие лингвисты, литературоведы, переводчики из России и Китая, посвящена разным аспектам творчества писателя-билингва, критика и переводчика Владимира Владимировича Набокова (1899–1977). Несмотря на разные аспекты творчества В.В. Набокова, затрагивающиеся в монографии, объединяющим звеном исследовательского повествования, как отмечается во введении к работе, стало двуязычное творчество писателя и переводчика. Материалом этих исследований являются произведения писателя, относящиеся как к русскому, так и эмигрантскому периодам его творчества. Целью авторов монографии было расширить уже имеющиеся представления о В.В. Набокове, для этого они обратились к ранее не исследованным темам научных изысканий и тем аспектам, которые открываются перед исследователями с перспективы XXI в. Монография будет интересна как литературоведам, занимающимся изучением творчества В.В. Набокова, языковедам, специалистам в области теории и практики перевода, так и широкому кругу читателей.

Ключевые слова: В.В. Набоков; теория и практика перевода; писатель-билингв; художественный билингвизм; буквальный перевод; буквализм В.В. Набокова; автоперевод.

Для цитирования: Раренко М.Б. Рецензия на монографию: Владимир Набоков: писатель и переводчик: коллективная монография / под общ. ред. Н.М. Нестеровой и Е.А. Княжевой. – Москва : ФЛИНТА, 2023. – 172 с. // Актуальные вопросы теории и практики перевода. – 2025. – № 1. – С. 60–67. – DOI: 10.31249/perevod/2025.01.06

* **Раренко Мария Борисовна** – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам РАН; rarenco@rambler.ru

RARENKO M.B.*

**BOOK REVIEW: VLADIMIR NABOKOV:
WRITER AND TRANSLATOR: COLLECTIVE MONOGRAPH /
EDITED BY N.M. NESTEROVA AND E.A. KNYAZEVA. –
MOSCOW: FLINTA, 2023. – 172 P.**

Abstract. The review on the collective monograph, which was worked on by linguists, literary critics, and translators from Russia and China, and is devoted to various aspects of the work of the bilingual writer, critic, and translator Vladimir Vladimirovich Nabokov (1899–1977). Despite the various aspects of V.V. Nabokov's work that are touched upon in the monograph, the unifying link of the research narrative, as noted in the Introduction to the work, was the bilingual work of the writer and critic. The subject of these studies are the works of the writer, relating to both the Russian and emigrant periods of his work. The purpose of the authors of the monograph was to expand the already existing ideas about V.V. Nabokov, therefore they turned to previously unexplored topics of scientific research and those aspects that open up to researchers from the perspective of the 21st century.

The monograph will be of interest to both literary critics who study the work of V.V. Nabokov, linguists, specialists in the field of theory and practice of translation, and a wide range of readers.

Keywords: V.V. Nabokov; theory and practice of translation; bilingual writer; artistic bilin-gualism; literal translation; V.V. Nabokov's literalism; self-translation.

For citation: Rarenko M.B. Book Review: Vladimir Nabokov: Writer and Translator: Collective Monograph / edited by N.M. Nesterova and E.A. Knyazeva. – Moscow : FLINTA, 2023. – 172 p. // Current Issues of Translation Theory and Practice. – 2025. – N 1. – P. 60–67. DOI: 10.31249/perevod/2025.01.06

В подготовке коллективной монографии «Владимир Набоков: писатель и переводчик» (2023) приняли участие лингвисты, литературоведы и переводоведы из Перми, Воронежа, Москвы, Санкт-Петербурга и Цзинаня (КНР), чьи научные интересы связаны с изучением весьма разнообразного творческого наследия одного из наиболее оригинальных художников слова новейшего времени, писателя-билингва и переводчика Владимира Владимировича Набокова (1899–1977).

Уже беглый взгляд на содержание глав невольно заставляет читателя задуматься о том, что же объединяет исследователей.

Будто бы предваряя этот вопрос, редакторы монографии (доктор филологических наук, профессор Н.М. Нестерова (Пермь) и кандидат филологических наук, доцент Е.А. Княжева (Воронеж)) в предисловии к ней объясняют, что «объединяющим звеном исследовательского повествования является двуязычное литературное творчество В. Набокова» (с. 4), предметом исследования –

* **Rarenko Maria Borisovna** – PhD (Philology), Leading Researcher of the Department of Linguistics at Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; rarenco@rambler.ru

«произведения писателя, относящиеся к русскому и эмигрантскому периодам его творчества», а целью исследования – стремление «расширить представления о Владимире Набокове, обращаясь к новым темам научных изысканий и описывая те аспекты, которые открываются перед исследователями с перспективы XXI в.» (с. 4). Отметим, что поставленная авторами монографии цель в полной степени была достигнута: ни в одной другой работе творчество В.В. Набокова не было представлено с таких совершенно разных и неожиданных ракурсов, что является несомненным достоинством данного исследования.

Открывает монографию глава «Усадебный текст в творчестве Владимира Набокова» (авторы О.А. Попова, доцент, кандидат филологических наук, Санкт-Петербург; О.В. Соболева, доцент, кандидат филологических наук, Пермь). В ней авторы обращаются к проблеме усадебного текста как одного из хранилищ культурной памяти. Анализируемые в главе романы В.В. Набокова – «Другие берега» и «Машенька» – позволяют говорить об идеализации дворянской усадьбы, поскольку «в них создается образ утраченного прошлого, с которым тесно связываются представления о чем-то прекрасном и безоблачном» (с. 16).

Поскольку роман «Другие берега» является автобиографическим, то авторы заключают, что описание дворянской усадьбы в данном произведении максимально приближено к реальному в отличие от художественного образа усадьбы, созданного в «Машеньке». Однако и в «Других берегах», и в «Машеньке» усадебное пространство пропущено сквозь призму воспоминаний автора, в связи с чем в обоих произведениях имеет место топоэксфрасис, т.е. трансформация и деформация топографического прототипа.

Воспроизведенное в романе место действия в этом случае сохраняет свою связь с топографическим прототипом, однако, как отмечают авторы «создается по законам “второй реальности”, преобразуется и трансформируется под воздействием различных факторов: авторского сознания, пространственной или временной удаленности, кругозора героя и пр.» (с. 16).

Отмечается, что, учитывая автобиографический характер первого романа и заведомо различную степень трансформации места действия в этих произведениях, правильнее будет говорить о топоэксфрасисе I и II уровня (в «Других берегах» и «Машеньке» соответственно) (с. 17). В рассматриваемых романах топографическим прототипом является дворянская усадьба, точнее своеобразный «усадебный треугольник», образуемый родовыми поместьями Вырская мыза («наша Выра»), Рождествено («дядина белая усадьба на муравчатом холме») и Батовская мыза («бабушкино прелестное Батово»). В «Других берегах» и «Машеньке» большее отражение находят Выра и Рождествено, чем объясняется то, что в главе именно этим усадьбам уделяется основное внимание.

В «Других берегах» В. Набокова сохраняются основные детали топографических прототипов, однако приводится более полное, детализированное и, что самое важное, эмоционально насыщенное описание родовых

имений. Так, в романе находит отражение разделение усадебного парка в Выре на старую и новую части, причем новая его часть в силу своей естественности и дикости гораздо больше притягивает автора.

Авторы отмечают, что особое место в «Других берегах» занимает усадьба Рождествено: «Если Выра является для автора уютным домом, то с Рождествено связываются представления о чем-то сказочном, загадочном, чудесном, фантастическом, на что повлияла прежде всего атмосфера, царящая в данной усадьбе» [с. 20]. Подчеркивается, что при описании деталей усадебного дома В. Набоков использует эпитеты, непосредственно выражающие его отношение к прошлому: «...колонны в воспоминаниях писателя являются не просто прямыми, симметричными или белыми, они ощущаются им как “незабвенные” и “благодарные”, потому что защищают героев от окружающего мира» (с. 22). В «Машеньке» создается собирательный образ усадьбы, который наполняется деталями, принадлежащими как Рождествено, так и Выре. О том, что прототипом описываемой усадьбы является Рождествено, свидетельствуют, в частности, упоминания о зеленом холме на другой стороне реки, где стояла белого цвета усадьба, колоннах (четырёхколонная лоджия «оригинала» в романе превращается в шестиколонный перрон), дряхлых мощных липах. Однако при описании этой усадьбы В. Набоков использует деталь, которая в «Других берегах» была связана с Вырой. Проведенное авторами исследование позволяет сделать вывод о том, что и в «Машеньке», и в «Других берегах» создаваемый образ дворянской усадьбы – это топоэпифраза, сохраняющий связь с топографическими прототипами, но при этом обогащенный авторским видением прошлого и пропущенный через фильтр памяти.

В главе «Владимир Набоков и Джеймс Джойс: точки пересечения» ее автор Е.А. Наугольных (кандидат филологических наук, доцент, Пермь), анализируя труды В.В. Набокова в области перевода («Искусство перевода», «Заметки переводчика», «Проблемы перевода», «Тропую рабства» и др.), делает выводы относительно эволюции его теоретических взглядов на перевод и задачу переводчика: «На позднем этапе творчества взгляды писателя окончательно сформировались в пользу теории буквализма» (с. 29). В то же самое время, «буквализм» В. Набокова, несомненно, имеет свои особенности: «С одной стороны, он несколько ограничивает свободу переводчика как чистого посредника между автором и читателем. ... С другой стороны, писатель считает буквальный перевод в общеизвестном понимании бессмысленным» (с. 30).

Для В.В. Набокова эпитет «буквальный», отмечает Е.А. Наугольных, имеет несколько оттенков: прежде всего это верность воссоздания прямого, но и подразумеваемого смысла слова. То есть, с точки зрения В.В. Набокова, «буквальный перевод» – это как верная передача непосредственного значения слова или предложения, так и смысла в целом.

Кроме умения осмыслить все, даже самые незначительные детали произведения оригинала, переводчик должен обладать способностью «мимикрии», воспроизведения манеры автора.

Говоря о точках соприкосновения В. Набокова и Дж. Джойса, Е.А. Наугольных прослеживает целый ряд аналогий, и, прежде всего, для них «характерно стремление к созданию эстетически обусловленного игрового пространства художественного произведения» (с. 31–32). Роман Дж. Джойса «Поминки по Финнегану» критики рассматривают как вершину его творчества, и именно с этим романом сравнивают главный английский роман Набокова «Ада, или Жар» на основании того, что «оба текста настолько полигенетичны, зашифрованы, беспрецедентно непрозрачны» (с. 32).

В главе отмечается, что «оба поздних произведения Дж. Джойса и В. Набокова наполнены виртуозными монтажными стыками, яркими ассоциативными переходами, мультилингвальными вставками, пронизаны историческими отсылками и культурными реалиями, насыщены приемами, позволяющими писателям особым образом передать ткань времени и заявить о себе как о корифеях высокого модернизма» (с. 32). Е.А. Наугольных также отмечает, что автоперевод для В. Набокова и Дж. Джойса – «это радикальное переосмысление, переработка текста с целью обогащения языка перевода, экспериментирования с его возможностями» (с. 41).

В заключение подчеркивается, что, «несмотря на некоторую общность взглядов на литературу и творчество в целом, поэтики двух гениальных писателей, несомненно, разнятся. Безусловно, В. Набоков был отлично знаком с творчеством ирландского писателя, в возрасте от 20 до 40 лет он даже считал его одним из любимых авторов. Анализ показывает, что манера воплощения В. Набоковым своих идей в некоторой степени перекликается с техникой Дж. Джойса, поскольку работы последнего дали импульс становлению русского писателя, особенно на раннем этапе. Главное, однако, как нам кажется, заключается в том, что и В. Набоков, и Дж. Джойс сумели создать литературу, целью которой стало вовлечение читателей в формат непосредственной коммуникации с автором. Они не просто придали мелодии текста другое звучание, они смогли совершить особую революцию в литературе XX в.» (с. 46–47).

Несколько неожиданной может показаться третья глава монографии – «Тема Китая в творчестве В. Набокова» (авторы А.А. Арустамова, доктор филологических наук, доцент, Пермь; Б.В. Кондаков, доктор филологических наук, профессор, Пермь; А.А. Красноярова, кандидат филологических наук, Цзинань; Чжан Юаньюань, аспирант, Пермь), поскольку, как известно, В.В. Набоков никогда не был в Китае, а в его произведениях Китай как особая локация также не фигурирует. Тем не менее авторы данной главы отмечают, что некоторые детали, связанные с Китаем и китайской культурой, «можно обнаружить в произведениях Набокова берлинского периода – рассказах “Сказка” (1926), “Круг” (1934), “Облако, озеро, башня” (1937), “Посещение музея” (1938)» (с. 51), более того, «“Китайские

детали” постоянно появлялись и в “больших” прозаических произведениях В. Набокова» (с. 51), а «в романе “Король, дама, валет” (1927–1928), упоминались продававшиеся в лавке “китайские изделия, шелка, вазы, чашки”; в романе “Подвиг” (1932) возникал “румяно-золотой” “китайский фазан” – обитатель берлинского Зоологического сада» (с. 51) и пр. Авторы приходят к выводу о том, что ««китайские» детали выполняли в произведениях Набокова целый ряд важных художественных функций» (с. 52), что, безусловно, представляется весьма любопытным, с нашей точки зрения. Любопытнейший аспект, который освещается в четвертой главе монографии «Набоков в Китае» теми же авторами, – история восприятия произведений В.В. Набокова в Китае и история перевода его произведений в Китае. Отмечается, что в Китае имя В.В. Набокова стало известно еще в 1920–1930-е годы, прежде всего в среде писателей и критиков восточной ветви литературы русского зарубежья, ставших, что представляется вполне закономерным, его главными читателями на Востоке. В настоящее время в Китае интерес к творчеству В.В. Набокова все больше усиливается, о чем свидетельствуют критические работы и переводы его произведений (в том числе и повторные) на китайский язык. В.И. Фролов (кандидат филологических наук, Москва), автор пятой главы настоящей коллективной монографии «Еще раз о переводческом буквализме В.В. Набокова», вновь обращается к вопросу перевода в связи с творчеством писателя. В центре внимания исследователя – «взгляды Набокова на цели и принципы художественного перевода» (с. 91). Отмечается, что Набоков «вошел в историю науки о переводе как яркий поборник буквализма» (с. 91), однако «его размышления о проблемах перевода никогда не носили системного характера, а скорее представляли собой набор ситуативно обусловленных размышлений или комментариев» (с. 91). Анализируя «природу» набоковского буквализма, В.И. Фролов приходит к следующим выводам:

1. В своих взглядах на перевод В.В. Набоков никогда не был последовательным буквалистом.

3. Буквализм в истории художественного перевода в принципе не является устойчивой, трансисторической тенденцией, и в случае с каждым переводчиком буквалистический подход опосредован субъективными факторами.

3. Осознанной «философией перевод» для Набокова буквализм стал в период работы над переводами классических произведений русской литературы, выполненными во время его работы в США. Переводы данного периода необходимо относить к так называемым «филологическим переводам».

4. Буквализм ранних переводов может быть сведен к явлению языковой интерференции и неразличению в тексте оригинала «авторского» и «общезыкового» (с. 105–106).

Интересный ракурс изучения творчества В.В. Набокова представлен в шестой главе «Владимир Набоков: автобиография и автоперевод» (авторы

Н.М. Нестерова, доктор филологических наук, профессор, Пермь и Д.Д. Курушин, аспирант, Пермь). В центре внимания исследователей – автобиография В.В. Набокова-билингва, представленная им на двух языках в трех вариантах, т.е. «своеобразная двуязычная “трилогия”, не имеющая аналогов в мировой мемуаристике» (с. 109). Авторы отмечают, что В.В. Набоков трижды рассказывает свою жизнь: по-английски, по-русски и снова по-английски, представляя три версии своей жизни в России, «трижды ее “пересочиняет”, трижды выполняет авторский перевод: с внутреннего русского языка на английский, с английского языка на русский и снова на английский» (с. 115). Рассматривая автобиографию Набокова как уникальный случай двойного автоперевода, авторы подчеркивают, что В.В. Набокову удалось выработать совершенно особый тип автобиографического текста – «сплав автобиографии и романа» (с. 109).

Говоря об уникальности набоковского автобиографического текста, авторы делают вывод, что на материале данного текста «можно изучать различные аспекты перевода: как общие (стратегии и методы перевода, соотношение первичности и вторичности в переводе), так и частные (приемы передачи реалий, эмотивных смыслов, лексические и синтаксические трансформации)» (с. 116), что собственно успешно и демонстрируют авторы.

В седьмой главе «Метакоммуникация в переводческой деятельности В.В. Набокова» Ю.А. Дымант (кандидат филологических наук, Воронеж) и Е.А. Княжева (кандидат филологических наук, доцент, Воронеж), отмечая, что «переводческая метакоммуникация является одной из неотъемлемых составляющих переводческой деятельности писателя» (с. 136), рассматривают предисловия и комментарии В.В. Набокова к переводам памятника древнерусской литературы «Слово о полку Игореве» и романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» на английский язык, а также автопереводы набоковских автобиографических романов “Conclusive Evidence”, «Другие берега» и “Speak, Memory!”. Подчеркивается, что метакоммуникация, или «коммуникация по поводу коммуникации», направлена на устранение недопонимания между участниками коммуникации и обеспечение успешности коммуникативного акта (с. 137). Переводческая метакоммуникация, включающая в себя предисловия и послесловия к переводам, сноски, внутритекстовые и послетекстовые примечания переводчика или редактора, критические статьи, пародии, воспоминания переводчиков, художественную литературу и кинофильмы, отображающие работу переводчика, и «направленная на восполнение возможных пробелов и нейтрализацию культурных различий, получает реализацию в переводческих предисловиях, примечаниях, комментариях и т.п., содержащих пояснения лингвистического, литературоведческого, культурологического и собственно переводческого характера» (с. 138).

Известно, что, описывая и воплощая на практике свой переводческий метод, В.В. Набоков настаивал на том, что переводить следует только

буквально. Авторы главы отмечают, что в рассуждениях В.В. Набокова речь, прежде всего идет о переводе, максимально близком к исходному тексту и в полной мере передающем все смыслы оригинала, как лежащие на поверхности, так и подразумеваемые, или же интуитивно понятные носителю исходной лингвокультуры, и напоминают, что, поскольку добиться такого эффекта, не прибегая к дополнительным средствам, не всегда возможно, В.В. Набоков вводит в тексты своих переводов и автопереводов метатекстовые элементы (иногда достаточно объемные) в виде комментариев, относящихся к историко-культурному контексту оригинала, особенностям исходного языка, а также аргументации конкретных переводческих решений, описывая его подход в переводческой деятельности.

Подробный языковой анализ набоковских предисловий и комментариев позволяет авторам главы сделать следующие выводы: используя прием переводческой метакоммуникации, В.В. Набоков решает ту задачу перевода, которую ставил перед собой, а именно – создать «верный перевод, который позволил бы читателям погрузиться в культурный, исторический и языковой контекст оригинала и в полной мере оценить его художественную ценность» (с. 161), хотя прием вызывает неоднозначную оценку теоретиков перевода и литературных критиков.

В завершение хочется отметить, что новый круг тем, которые затрагивают авторы коллективной монографии, обращаясь к творчеству В.В. Набокова, расширяет представление об одном из наиболее оригинальных писателей и переводчике XX в. Этому же способствует и богатый иллюстративный материал, содержащийся во всех разделах монографии, а также обширная библиография, позволяющая представить определенную (во многом новую) часть набоковистики.

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

SCIENTIFIC EVENTS

УДК: 81

DOI: 10.31249/perevod/2025.01.07

ПЕТРОВА О.В.*

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ПОДГОТОВКА ПЕРЕВОДЧИКОВ: АНАЛИЗ СИСТЕМ
И ПОДХОДОВ В СТРАНАХ МИРА»
(20–21 ДЕКАБРЯ 2024 г., НИЖНИЙ НОВГОРОД)**

Аннотация. 20–21 декабря в НГЛУ им. Н.А. Добролюбова состоялась V Международная конференция «Подготовка переводчиков: анализ систем и подходов в странах мира», в ходе которой переводоведы, переводчики и преподаватели перевода из шести стран обсуждали проблемы развития профессионально-ориентированного мышления будущего переводчика, вопросы культурологической подготовки переводчиков, лингвоэтические аспекты коммуникации, социолингвистический аспект перевода и многочисленные проблемы обучения разным видам перевода, включая обучение работе с IT-технологиями. Прозвучавшие сообщения и состоявшиеся дискуссии отражают понимание переводческим сообществом необходимости адаптировать подготовку студентов-переводчиков к меняющимся условиям – как в плане развития информационных технологий, так и в плане геополитических изменений.

Ключевые слова: подготовка переводчиков; профессионально-ориентированный подход; межкультурная компетенция; оценка перевода; методика преподавания перевода.

Для цитирования: Петрова О.В. Международная научная конференция «Подготовка переводчиков: анализ систем и подходов в странах мира» (20–21 декабря 2024 г., Нижний Новгород) [Сообщение о научном событии] // Актуальные вопросы теории и практики перевода. – 2025. – № 1. – С. 68–70. – DOI: 10.31249/perevod/2025.01.07

* **Петрова Ольга Владимировна** – кандидат филологических наук, профессор, начальник Международной научно-исследовательской лаборатории «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения», профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова; o.v.petrova.nn@gmail.com

PETROVA O.V.*

**“TRAINING TRANSLATORS AND INTERPRETERS:
ANALYSIS OF NATIONAL SYSTEMS AND APPROACHES”
(DECEMBER 20–21, 2024, NIZHNY NOVGOROD)**

Abstract. On December 20–21, Linguistics University of Nizhny Novgorod hosted the V International Conference “Training translators and interpreters: analysis of national systems and approaches”, during which translation scholars, translators and translation teachers from 6 countries discussed problems of developing professionally oriented thinking of a future translator, issues of cultural training of translators, linguo-ethical aspects of communication, the sociolinguistic aspect of translation, as well as numerous problems of teaching different types of translation, including learning how to work with IT technologies. The presentations and discussions reflected the translation community’s understanding of the need to adapt the process of training translation students to changing conditions – both in terms of IT development and geopolitical changes.

Keywords: translator training; professional-oriented approach; intercultural competence; translation assessment; methods of teaching translation.

For citation: Petrova O.V. “Training Translators and Interpreters: Analysis of National Systems and Approaches” (December 20–21, 2024, Nizhny Novgorod) [A Message on a Scientific Event] // Current Issues of Translation Theory and Practice. – 2025. – N 1. – P. 68–70. DOI: 10.31249/perevod/2025.01.10

20–21 декабря 2024 г. в Высшей школе перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова в пятый раз прошла Международная научная конференция «Подготовка переводчиков: анализ систем и подходов в странах мира», ежегодно проводимая международной научно-исследовательской лабораторией «Теоретические и прикладные проблемы переводоведения». На протяжении двух дней переводчики, переводоведы и преподаватели перевода из шести стран обсуждали проблемы развития профессионально-ориентированного мышления будущего переводчика, вопросы культурологической подготовки переводчиков, лингвоэтические аспекты коммуникации, социолингвистический аспект перевода и многочисленные проблемы обучения разным видам перевода, включая обучение работе с IT-технологиями.

На двух пленарных заседаниях выступили ученые из России, КНР, ФРГ, доклады которых задали основные направления работы конференции. Первое из этих заседаний было посвящено проблемам культурологической подготовки переводчиков и формирования у студентов межкультурной компетенции, что было представлено в общетеоретическом плане в совместном докладе Клауса Вашика (Институт интенсивного обучения иностранным языкам при Рурском университете г. Бохума, ФРГ) и

* **Petrova Olga Vladimirovna** – PhD (Philology), Professor, Department of English, Translation and Translatology, Head of the International Research Laboratory “Theoretical and Applied Issues in Translation Studies”, Linguistic University of Nizhny Novgorod; o.v.petrova.nn@gmail.com

С.М. Кибардиной (Вологодский государственный университет, г. Вологда, РФ) «Межкультурная компетенция – постоянный вызов для переводчиков: взгляд культуролога», а также в докладах по отдельным аспектам проблемы, таких как «Лингвоэтические аспекты русскоязычной и испаноязычной публичной коммуникации: гендер, возраст и другие аспекты идентичности» (О.А. Леонтович, Волгоградский государственный социально-педагогический университет), «Этнотексты и переводческий поворот современной гуманитаристики» (В.А. Разумовская, Сибирский федеральный университет), «“Знать или не знать?” К вопросу о культурологических аспектах подготовки переводчиков» (Н.М. Нестерова, О.В. Соболева, Пермский национальный исследовательский политехнический университет). Затем обсуждение проблем формирования межкультурной компетенции у студентов-переводчиков было продолжено в ходе работы секции «Вопросы языковой и культурологической подготовки переводчиков», где своим опытом поделились преподаватели из Воронежа, Магадана, Москвы, Нижнего Новгорода, Улан-Удэ. Доклады, прозвучавшие на втором пленарном заседании, были посвящены собственно переводческой подготовке студентов: «Профессионально-ориентированный подход к разработке учебного пособия по практике перевода» (В.В. Сдобников, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова), «“Болевые точки” в преподавании перевода» (О.В. Дубкова, Сианьский университет иностранных языков, КНР), «Объективность оценки перевода: реальная возможность или теоретический идеал?» (Е.А. Княжева, Воронежский государственный университет), «Так все-таки от текста к тексту или от смысла к смыслу?» (О.В. Петрова, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова).

Различные аспекты этих проблем получили развитие в докладах на секциях «Профессиональная подготовка переводчиков» и «Вопросы теории и практики перевода», где обсуждались особенности обучения студентов разным видам перевода и переводу в таких разных сферах, как аудиовизуальный перевод (А.С. Демидова, Нижний Новгород), судебный перевод (А.А. Ларин, Нижний Новгород), перевод в сфере внешней торговли (Гун Цзюнци, Сиань, КНР), а также вопросы методики преподавания перевода в новых условиях. Своим опытом подготовки переводчиков с использованием различных технологий – от информационных и игровых до стресс-менеджмента – поделились преподаватели из Минска (Республика Беларусь), Мурманска, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону, Саратова, Самары, Фарьяба (Афганистан) и других российских и зарубежных городов, в вузах которых ведется подготовка переводчиков.

Тематика докладов и характер состоявшихся дискуссий отражают понимание переводческим сообществом необходимости адаптировать подготовку студентов-переводчиков к меняющимся условиям – как в плане развития информационных технологий, так и в плане геополитических изменений.

ТРЕБОВАНИЯ К АВТОРАМ И ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

REQUIREMENTS FOR THE AUTHORS AND THEIR ARTICLES

В журнале «Актуальные вопросы теории и практики перевода» публикуются научные статьи, обзоры, рецензии, сообщения о научных событиях. Отдельный раздел посвящен ретропубликациям.

К публикации в журнале приглашаются авторы, имеющие законченное профильное (лингвистическое) образование не ниже магистратуры (специалитета), аспиранты, кандидаты и доктора наук.

Первоначально все поступившие в редакцию рукописи обсуждаются редколлегией журнала. После этого признанные соответствующими требованиям журнала (по оформлению, профилю журнала и пр.) рукописи проходят двойное «слепое» рецензирование с целью экспертной оценки и проверку на плагиат. Окончательное решение о публикации принимается на заседании редакции. В случае отказа принять рукопись к публикации редколлегия сообщает об этом автору. Срок рассмотрения рукописей редакцией и рецензентами занимает не более 90 дней со дня поступления рукописи в редакцию. Публикация статьи занимает не более 1 года.

Передавая рукопись в редакцию, автор подтверждает, что текст ранее не публиковался и не находится на рассмотрении в другом издании.

Публикации в журнале бесплатны для авторов.

Общие требования к оформлению рукописей

Рукописи принимаются в электронном виде в формате .doc или .docx. Шрифт текста – Times New Roman, размер шрифта (в том числе в сносках) – 14 пт, межстрочный интервал – 1,5, отступ – 1 см.

Авторы должны указать свои фамилию, имя и отчество (полностью), место своей работы, должность и адрес электронной почты. Сведения об авторе предоставляются на русском и английском языках.

Статья должна иметь четкую структуру, в ней должны быть выделены: введение, основная часть, при необходимости включающая в себя несколько разделов, а также заключение (выводы).

Объем рукописей (с учетом всех элементов текста):

- статьи и обзоры – не более 40 тыс. знаков (с пробелами);
- рецензии – не более 25 тыс. знаков (с пробелами);
- сообщения о научных событиях – не более 50 тыс. знаков (с пробелами).

Требования к оформлению рукописей статей, обзоров и рецензий

Статьи, обзоры, рецензии и сообщения о научных событиях обязательно должны включать УДК, аннотации (объемом около 500 печатных знаков (с пробелами) на русском и английском языках), а также 4–10 ключевых слов / словосочетаний, разделенных точкой с запятой, на русском и английском языках.

ОФОРМЛЕНИЕ ССЫЛОК НА ЛИТЕРАТУРУ В ТЕКСТЕ СТАТЕЙ

Ссылки на литературу приводятся в тексте в квадратных скобках. В обязательном порядке указывается фамилия автора и через запятую – год: [Степанов, 1998] или [Andersen, 2012].

Если в тексте приводится **цитата** или дается отсылка на какой-то определенный фрагмент в объемной работе, указывается страница (страницы), также через запятую:

[Шмелев, 2014, с. 37] или [Andersen, 2012, p. 12].

Если **авторов упоминаемой работы 2 или 3**, то фамилии приводятся через запятую:

[Lyse, Andersen, 2012].

Если ссылка дается на **работы одного автора, вышедшие в разные годы**, между номерами годов ставится запятая:

[Даль, 1989, 2004].

Если 2 или более работ одного автора / авторов **вышли в один год**, к году добавляются буквенные обозначения – а; б; в или а; б; с.

[Johnson, 1986 a, 1986 b]

В одной ссылке на несколько работ разных авторов между работами ставится; [Апресян, 1995; Арутюнова, 2002].

В ссылке на сборник или на коллективную монографию желательно привести название сборника / монографии – полностью. Если же название длинное, указываются начальные слова и далее год и при необходимости страницы

[Библиографический указатель литературы по языкознанию ..., 1958].

**Пример введения сокращенных наименований работ
в тексте при первом упоминании**

В «Большом фразеологическом словаре русского языка» (ФСРЯ)
авторы составляли словник, опираясь на теорию... [ФСРЯ, 2020].

**ОФОРМЛЕНИЕ ПРИМЕРОВ И ЦИТАТ
В ТЕКСТЕ СТАТЕЙ**

1) В статье **примеры** и **цитаты** на русском языке даются в кавычках прямым шрифтом.

Примеры на иностранных языках приводятся без кавычек, но курсивом, с переводом на русский язык.

Пример оформления:

Существительное *article* – в значении «изделие» употребляется в данном случае в роли подлежащего.

2) Цитаты на иностранных языках также приводятся в кавычках, курсивом, с последующим переводом.

Если перевод приводится по какому-либо источнику, указывается источник (У. Шекспир, «Гамлет», пер. Б.Л. Пастернака).

Если перевод принадлежит автору статьи, то в круглых скобках следует указать инициалы автора (пер. наш. – *И.И.*).

Пример оформления:

Торо пишет: “*When I wrote the following pages, or rather the bulk of them, I lived alone, in the woods, a mile from any neighbor, in a house which I had built myself, on the shore of Walden Pond, in Concord, Massachusetts, and earned my living by the labor of my hands only*”. – «Когда я писал следующие страницы, или, вернее, большую их часть, я жил один, в лесу, в миле от соседей, в доме, который построил сам, на берегу Уолденского пруда в Конкорде, штат Массачусетс, и зарабатывал на жизнь исключительно трудом своих рук» [указать автора, год, страницы] (пер. наш. – *И.И.*).

3) Иноязычные термины при первом их употреблении в статье приводятся на языке оригинала курсивом, без кавычек, при необходимости с переводом в кавычках и в круглых скобках:

Пример оформления:

В англоязычном переводоведческом дискурсе данный вид перевода известен как *community translation* (букв. «коммунальный перевод»).

ОФОРМЛЕНИЕ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

Просим обратить внимание! В пояснительной (технической) части библиографического описания книги, журнала и т.п. двоеточие отделяется пробелами с двух сторон. Внутри названия двоеточие не отбивается. Это веденное относительно недавно правило считается обязательным.

Иванов А.И. Русская архитектура: исторические аспекты : монография : в 2 т. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2004. – Т. 1. – 672 с.; Т. 2. – 576 с.

Оформление монографий

Орлова О.С. Эвфемизмы и загадки о рождении и смерти в русской и иноязычной культурах: принцип непрямой номинации. Когнитивно-культурологическое исследование. – Москва : ЛЕНАНД, 2022. – 240 с.

McEnery T.A., Wilson A. Corpus Linguistics. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2001. – VII, 253 p.

Оформление коллективных монографий

Русская лексикология: история и современное состояние / Иванов Н.С., Свиридов П.Р., Бондаренко Н.В., Егоров А.Б. и др.; гл. ред. Иванов Н.С. – Москва : Наука, 1999. – 650 с.

!!! Если авторов не больше 3, их фамилии пишутся в начале описания.

Если больше – после названия за косой чертой; указываются фамилии и инициалы 4 авторов.

Описание монографии или сборника никогда не начинается с фамилии редактора, в том числе при описании зарубежных изданий. Сборники описываются через их название!

Оформление сборников

Мышление и язык / под ред. Д.П. Горского. – Москва : Гос. издательство полит. литературы, 1957. – 48 с.

Оформление статей

Реформатский А.А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики / отв. ред. С.К. Шаумян; АН СССР. Ин-т русского языка. – Москва : Наука, 1968. – С. 13–125.

Топорков А.Л. Солнце // Славянская мифология: энциклопедический словарь. – Москва : Международные отношения, 2011. – С. 442–443.

Оформление статей из журналов

Lyse G.I., Andersen G. Collocations and Statistical Analysis of N-Grams // Exploring Newspaper Language: Using the Web to Create and Investigate a Large Corpus of Modern Norwegian. – 2012. – Vol. 49. – P. 79–80.

Если в журнале двойная нумерация, номера приводятся через запятую:

– Т. 4, № 1. – С. 14–22.

– Или Vol. 20, N 2 / 3. – P. 44–57.

– Или Т. 3, Bd 5. – S. 77–92. (для немецкого языка)

Потанова Р.К., Потанов В.В. Интернет-меметика как эмоциогенная среда сетевой коммуникации // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 2023. – Т. 82, № 2 – С. 78–91.

Bernissan F. Combien de Locuteurs Compte l'Occitan en 2012? // Revue de Linguistique Romane. – 2012. – N 303 / 304. – P. 467–512.

Оформление многотомных изданий и глав или частей из многотомных изданий

Петров И.И. Полное собрание сочинений : в 7 т. – Санкт-Петербург : Изд-во Академии наук, 1977–1980.

Петров И.И. Название произведения или работы // *Петров И.И.* Полное собрание сочинений. – Санкт-Петербург : Изд-во Академии наук, 1979. – Т. 5. – С. 12–100.

Оформление диссертаций и авторефератов

Павлова Н.Т. Название диссертации : дис. / автореф. дис. ... канд. / д-ра филол. наук / Наименование организации. – Москва, 2012. – 25 с.

Сокращения в списке литературы

ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII–XX в. : в 2 т. / под ред. А.И. Федорова. – Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1991. – Т. 1 : А – Н. – 340 с.

Оформление электронных ресурсов

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 04.08.2022).

Versia.ru – URL: <https://versia.ru/rossiyane-reshili-sn0va-it-po-chyornomu> (дата обращения: 01.03.2024).

Ссылки на документы, конституции, своды законов приводятся в сносках в конце страниц, со ссылками на интернет и указанием даты обращения.

ОФОРМЛЕНИЕ REFERENCES

В этом разделе должны быть отражены **все** источники, представленные в Списке литературы.

Источники располагаются в порядке упоминания в Списке литературы.

В описании должны присутствовать:

- 1) фамилия автора (авторов) **латиницей**;
- 2) перевод источника **на английский язык** (если источник на русском или на одном из восточных языков, не использующих латиницу). Работы на языках, использующих латиницу, даются в оригинале;
- 3) для статьи – название журнала или сборника, монографии, которые вводятся через **In** ;
- 4) место издания и издательство, год, количество страниц – для книги и границы – для статьи.

Место издания и издательство транслитерируются, исключение составляют Moscow, Saint Petersburg, Nauka. Но: Tver', Nizhny Novgorod.

Внимание!

Типе в описаниях References, в отличие от Списка литературы, **не ставятся. Пробелы** перед двоеточиями **отсутствуют**.

Пример оформления монографии

Baranov A.N., Plungyan V.A., Rakhilina E.V. *Guide to Discursive Words of the Russian Language*. Moscow: Pomovsky i Partnery, 1993. 207 p. (in Russian)

Пример оформления сборника

Grammar of the Modern Russian Literary Language / ed. by N.Y. Shvedova. Moscow: Nauka, 1970. 767 p. (In Russian)

Пример оформления статьи из сборника или коллективной монографии

Starodumova E.A. *On the Sources of the "Particle Abundance" of the Russian Language*. In: *Selected Works: Description of the Russian Particles, Dictionary Entries, Syntax of Fiction*. Vladivostok: Marine State University, 2011. Pp. 139–149. (In Russian)

Пример оформления статьи из журнала

Rarenko M.B. *Community Interpreting vs Social Translation*. In: *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2018. N 2 (791). Pp. 16–168. (In Russian)

Обратите внимание: при двойной нумерации тома, номера и выпуски указываются через запятую, как и в основном списке литературы: N 4, Iss. 2; или: Vol. 12, N 4.

Если авторов монографии или статьи больше трех, то описание дается на название, авторы (максимум четверо) указываются после названия за косой чертой, как в следующем примере:

Russian Lexicology: History and Modern State / Ivanov N.S., Sviridov P.R., Bondarenko N.V., Yegorov A.B. et al. / ed. N.S. Ivanov. Moscow: Nauka 1999. 650 p. (In Russian)

При описании главы из монографии, в том числе коллективной, или сборника, **номер главы или части указывается перед страницами:**

Serova N. *Stylistics of Net Communication*. In: *Media Communication* / ed. by L.S. Petrov Moscow: Nauka, 2012. Ch. 2. Pp. 30–48. (In Russian)

Обратите внимание, что **важны все элементы оформления**, в том числе знаки препинания.

Обратите внимание, что:

1) **название в References приводятся курсивом, фамилии авторов без курсива;**

2) при указании на границы статей или глав принято сокращение: **Pp. 139–149**, при указании на общее количество страниц: **257 p.; 340 S.**

3) пометы **(in Russian), (in Chinese)** обязательны, без последующей точки.

Порядок следования элементов в References также важен. Определенный том многотомного издания, глава в монографии, часть статьи, помещенной в журнале – пишутся после года перед страницами, как и в основном списке.

Описание никогда не начинается с фамилии издателя – как в Списке литературы, так и в References. На первом месте указывается фамилия автора или авторов или же название коллективной монографии.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПЕРЕВОДА

№1 – 2025

Оформление обложки Д.Д. Курушина
Техническое редактирование
и компьютерная верстка К.Л. Снякова

Подписано в свет 29 / X – 2025 г.
Формат 70×100/16 Бум. офсетная № 1
Усл. печ. л. 6,4 Уч.-изд. л. 4,3
Тираж 800 экз.

**Институт научной информации
по общественным наукам
Российской академии наук**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения
информационных изданий
Тел.: 8 (499) 124-32-15
e-mail: izdat@inion.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»,
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к.6